

АННА ГОРЕНКО

УСПЕВАЙ СМОТРЕТЬ

АННА ГОРЕНКО

УСПЕВАЙ СМОТРЕТЬ

(БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ)

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛА И КОММЕНТАРИИ
ВЛАДИМИРА ТАРАСОВА

Издательский проект ИВО

2014

УДК 821.161.1-1

Горенко Анна

Успевай смотреть (Большое собрание): Стихотворение, проза, письма.
Сост., подг. материала и комментарии Владимира Тарасова.
Иер., Изд. проект ИВО, 2014. 192 с.

Anna Gorenko / Have time to watch. A large collection.

Обложка и дизайн Натальи Куликовой
Фронтиспис – фото Ильи Кутузова (1995)

ISBN 978-965-553-043-8

© Издательский проект ИВО
© Владимир Тарасов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Необходимость в третьем издании сочинений Анны Горенко стала очевидной вследствие немалого количества выявленных ошибок, касающихся биографии поэтессы и некоторых лиц из её окружения. Что повлекло за собой исправление обнаруженных мною иных неточностей и явных огрехов, включая опечатки в текстах Анечки.

Корпус комментариев, называемой критикой мемуарами, подвергся пересмотру и значительно дополнен. В частности, это относится к тематике «Островов» у Йоны Волах и Анечки, к теме «Бродский» в творчестве А.Горенко (см. стихотворение №89 и одноимённый рассказ) и пресловутой «петербургской», и т.п. Изменения коснулись также и других аспектов: от тактики исследовательского невмешательства я отказался, дабы избежать в дальнейшем нареканий в чрезмерном «биографизме».

Особо стоит отметить и немаловажный факт: собрание стихотворений Анечки пополнилось ещё одним шедевром. Таким образом, настоящее собрание полнее предыдущего московского издания «Сочинений», и его можно смело назвать Большим, в отличие от Малого, вышедшего около 14 лет назад.

Иерусалим, октябрь 2013.

ВТ

В издании использована система двойной пагинации. «Флажком» на полях указывается номер страницы примечаний к тексту.

я выхожу из провинций моей души
я тотчас вижу сбоку: тело может быть норка птицы
но не летучей а гуляющей по стволу и чуть прыгать.
конечно не пестрой.

85

и таких полезных вещей немало я повстречаю –
домики, послушные травки и другие коряги
по пути к столицам.

в городе где темные соборы
где зато блестящие газоны
я фаянсовый стакан позора
жадно выпив встала у Сайгона
кровельным железом смотрит небо
не мечтаю жребия иного
я любая справа или слева
от ворот прекрасного Сайгона

В день торжества электросвета
в час накренившегося лета
мне снится город заповедный
весь набережный весь подледный
из ночи плотной непроглядной
где выпросталась дверь парадной
мне снишься ты в дожде и стуже
в ознобе бедности и хуже
но всякий раз в густом покое
когда ни словом ни рукою
ни силой воли ни досадой
ответного не вырвать взгляда

Несколько смертных строк смертному телу
столько же светлых мук светлому взгляду
бедный твой город: картонный, а белый белый
белой гостиной славный фонтаном садом

скаредный всхлип а выдох на все согласный
сводной одной минутой явился скудный
смутный вид сбоку сиял красотой напрасной
ссадной рта простудной

так проплывая слои атмосферы серной
мягкие ткани памяти проникая
вслед тебе льется лес ели и желны
достигая тебя зеленея вовсе смывая

Одежда рахат лукума

я приду в одежде рахат лукума
выпросить а чем пагубна моя надежда
растаять в приторной горечи каракума
вкус моей плоти ясен птице сладкоежке
семивороне и белоснежке
чудна чернеет когда стемнеет
ленточка почетного легиона
в углу моего рта
где пустота
после того как синие мотыльки
теплой души горячую пыльцу
разделят на лакомые куски
и соответствующие ангелы примут ее на весу
умереть целиком и заглазно
вдали всякого говори
стать рахат лукумом прекрасно
и сладко у пыли внутри
нам хотелось волос из песка и платья небес
но не бывает
желание отгаревает
рука отбывает жест
рот не узнает языка
но пересохшая речь сладка
нетравоядному истиной чумной

отговаривают рощицы снегиря
вспархивает
севера января
не упруго не ломко ласково подается твердь
женской пощечиной лицо другое наносит смерть
смахивая прежнее полой одежды рахат лукума

нет не требовательно не утрума я только спрашиваю
или не мало
я выкликаю убора тлену
славы локона и колена

Жжет и лижет язык королевская шкура шмеля
теперь мне снится покорность теперь
податливая мне уступает дверь
из-за которой доносится речь твоя

лжет и слышит меня осязаема тень твоя
тяжела и нежна и колеблема влагой сна
подаваема ею сама и одна она
на расстеленной шкуре поверженного шмеля

и вот на роскошь души извращенность мою возьмет
кто-нибудь и золото чудных плеч
но не ты ли будешь держать предо мною речь
о смерти шмеля о пуле прервавшей его полет?

Там краеведческий музей один лежит на пепелище
Мой дом! скорей, беги к нему
но нет Один чердак туману покорный реет над землей
а где же оба этажа
кирпичной смерти незадача

сметана есть сметану есть сметана
и ювелиры – ювелиры знают
а гагаузы? гагаузы тюрки
Кагула гагаузы те
пастухи они и психбольные
а ювелиры все мои родные
берут себе национальность сами
сами берут и никого не просят
сметану сами купят и едят

юннат беспризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб
умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу

Д.З.

Отступление тьмы на поворот за Латрун
наоборот повтори
наступление тьмы за поворот на Латрун
отворот рукава возверни на один оборот
осмотрев
кожа скучнеет к утру
Я
все объясню и пойму
ветром
неверным
относит
скользким авто
на невьюжную тьму
и тем самым зеленые косы
позволяет моей голове
так меня насовсем и отпросит
вниз катиться у теплой земли в рукаве.

POST FACTUM

1

они в саду играют марш
давай играть в войну
ты будешь мой отец погиб а я тебе рыдать
теперь они играют вальс
а ты и я разврат
теперь ты мой хороший брат а я с тобою спать
затем они сыграют что
но мы давно ушли
здесь звезды страшные горят у них глаза внутри

2

я маленький японец в кипятке
вода почти до дна достигла
вот врач идет с предсердием в платке
и к тряпочке платка оно прилипло
а смерть выходит из-за леса
с такой же тряпочкой в руке
ты не ходи ко мне моя принцесса
я маленький японец в кипятке

3

Мы говорим на детском языке
нам громких букв не удержать в руке
а имена степей во рту врага
и в танк его обутая нога
и в ветер смерти вдетая рука

блуждающего христианства
мы пьем из баночек вино
а наших хижин постоянство
военной карте все равно

4

смерть прикрывает наготу
плотью мальчика головой щенка
вот, мы брат и сестра
пойдем спустимся в пустоту

тогда
по горло во тьме
клеочущие небеса стараясь не видеть
вот, вы брат и сестра
скажут боги прячущие лицо

в этот праздник неспелого хлеба нас некому выводить
от полей каменных злаков чеканной конопли
в этот день несвернувшейся крови некому нас простить
мы брат и сестра
из дельты

голуби
голуби площадей нас научили
жить

5

Цветы живут быстрее тленья вишен
еще быстрее и слаще жизнь вина
я имени села сюда не слышу
но белая сладка его стена
быстрее белей и слаще наших стен
там церковь по колено в чернозем

Небце синее косое
дурно глянется в меня
поделись-ка ты со мною
полстраною и коня

шмель за угол и нежного покроя
мелькнул и пел поллой полупальто
пой флейта лето это ли не то
шмель на восток
мы были если двое

кем нам его доводится листок
вопроса основательный уток
и восклицанья шалая игла
послушай
в городе сахара не из мела
что это она делала
то ли пела
к локтю ее столешница подплыла

или
вот письмо от шмеля от десятого пятого из отеля
его лапка еще пьянела гибелью стиля
а мы уже буквы умели
мы различали

я все сказал
тем
кто поправил мне воротник
и высморкался в мой шарф
от избытка чувств
я

может как бы и отослал
ее-то зашившую мне пальто
я понимал окружающую среду как флюс
или тампон
но в глубине души.

дома как стопки детских книг
лежащих поперек
возьми меня с собой на юг
где каменный песок
возьми снеси меня к себе
где легкая вода
смотреть как тихо почему целует никогда

скажи что стало с Гаммельном моим
он мой флажок свивается на древко
как простынь со стола стекает в реку
его пастух прицелился за ним
свалились этажи моих домов
осыпались они не удержались
смущенные цыгане разбежались
и птица-мышь касается полов
ложится теплый снег на городок пустой
на мертвые тела живые крыши
лег теплый снег
ложись и ты со мной

Мы могли бы жить на малой садовой
и деревянный пол непересказуем
я люблю тебя Скажи мне другое слово
недоступное легким деснам и поцелуям

кровь в реке империи для питья легка и приятна
и от насадной чести ломило зубы
давай вернемся за грошик лодкой обратно
где у в с е х в дыхательном горле медные трубы

где ангела одежды золотые? надень что было сил!
разомкнутые небеса почти большие
господь почти на волю отпустил
ты в райский день роняющий качели
на берегах миража видишь сон
ты видишь тень мою в своей постели
расплавленную каменным песком

Одноместный самолетик прыгает через заборчик
Двухместный самолетик прыгает через заборчик
Трехместный самолетик поганка не хочет прыгать
и ему ставим клизму

и

Трехместный самолетик прыгает через заборчик
а следом и складной кораблик
с тыщеместной двухсалонной древнегреческой галерой
и уже потом, тихонько – паровозик
только с местом для пилота и трамвайною подножкой.

91

Паровозик
улетает в небеса
ветер треплет ювелиру волоса –
паровозик обгоняет стайка вшей
понемножку напевая о любви
Ювелира полицейский не слови...

Шпалы и холмы родной земли
не видны уже
На подножке пляшет ювелира
длинная нога
Гагауз же он машиной управляет
жмет педаль не отнимая сапога

В сумерках к большой воде Босфора
гагауз подлил своей слезы
степь свою покинул я с позором
купоросом не обрызгнувши лозы!
Ювелир блевал в пролив и пукал
крепко-крепко поручень держал

я не Байрон со стыдом он думал
гагаузов я не отстоял

...Гагауз крещен был Константином
ювелира звали просто Джеф
они покинули родную степь
смущенные войны картиной
и в Палестину паровозик воздушный направляет бег.

Мыши – кишмиши. А кто же изюмы,
кто же урюки, инжиры...
Это смущает лучшие умы.
И ум требует мяса и жира
для УМ-стной работы.
Может, черносливы – еноты?
...Никто не знает.
А между тем возможности поддерживать УМ
все убывают.
Губы сохнут и щеки слиплись
(щека к щеке) –
все продукты уму достались.
Если бы видел кто – на важных мыслей реке
части тела качались...
А мыши они кишмиши всегда,
а может инжиров скрывает вода
от ученых моих зрачков?
А те кто изюм – те совсем на луне?
Но ум больше нечем кормить.
Пойти на работу мешают мне
мышы. Мешают жить.

Но вот – осенило! Изюмы –
конечно же опоссумы!!!

Как вдруг ты застеснялся и спросил –
а что, тебе совсем-совсем не больно?
Ура! Миг торжества! Где мой ответ? Мои ответы, о, который?
Нет! Но вопросом на вопрос – давно спросить хотелось,
к месту, а?
Что?! А тебе – не больно?

**Он управляет города заправив маслом
пустой толпы. он покидает город
на белой белой маленькой лошадке
он заправляет плотную дорогу под теплое
под швейное копыто
он подшивает многие полотна
под ленту под корсажную дорогу
он оставляет ловкие одежды
приветливо откидывает воду
косою он лежит между лопаток
покорно загорающей земли
спроси же кто о белая лошадка!**

проси меня за белую лошадку
кто сшила эти многие полотна
озера и луга умело ела
и терпеливо и еще немножко
куда пасутся скомканые львы
испуганные зева синевы
откуда неба прыткие зонты
несутся врозь на кроткие мосты

моя лошадка белая юла
она слеза и слезла и дотла
она исчезла
полдень пережной
а озеро синей всегда со мной

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Я думал, что сердце из камня

И. Анненский

1

смотри какой бетон какие однако стены
бетонные смотри и это он и здесь мы будем жить
смотри какое небо какие однако стены
небесные смотри смотри
какие сбылись надежды
и вышивки украшают кожу

2

два человека ворона и грач
в ногу по полю идут

волоча за собою калач
утешительный труд

тихо надену и я сапоги
чтобы за ними идти

их межи и зги
обирать по пути

зрению на зиму
впрок

3

как запястье гимназистки
манит радужная смерть
над головою стелет жесьть
и
вместо корпии записки
о сирени

4

полотенце сложив оттого оттого говорю я
свист
удочек лишена идет дорога одна
и выхода нет не иначе говорить ее и нести
за спиной полотенце и сложенный лист на груди

оттого оттого треугольный пугает голос и речь
отлетает вроде души и бочком на небо
оттого оттого мертвое тело голоса тянется вдоль кювета
как
специальный фильм переходящий в сон

ничего говорю я что платье чужой кафтан самое холодное лето
в январе случится лето и того холоднее
в феврале тоже
но время суток другое
холодное лето зимы

5

так посмотри еще каких слогов лишил зрачок
и небу отказал в каких виденьях
и арки букв раскачивает зренье
не для тебя тебя
попробуй А деревянное на угол рта не будет тебе мало
О утешало бы но, вот, его сметало и отнесло и унесло от нас
не улетают более деревья

не оставляют места слову рта и пару
и листья никогда не знают меры
холодное лето сменяет жаркое лето
а все петербурга не видно не видно за вывесками не видно
каких слогов произнесенья улиц лишил себя а
алюминиевое горло гортань одними губами
несколькими выжившими словами рифмой падежной
не убедить себя полюбить друг друга

6

строгий ошейник вчерашний сапог утро прощай
я никогда не знал чем заканчивался рассвет
начинался последний раз вышел весь чай
сигареты улетели на юг вслед стреляй бесполезно

где вернуться они на свет огня и уснут на моей руке
вечным сном бабочки мальборо спи поспи
не дыши во сне неприлично
если спи не дыши во сне

белой копеечкой дешевый ток родина, пли!
я всегда забывал где берут закат
нанизывают сигареты на ветку по три
ночь принес темноту на иголках и снова мир

◇ ◇ ◇

придумай мне сестру
моя сестра просила написать роман
ей нечего читать ну напишу
если ты придумал что она плохо видит
она плохо видит она говорит
я вижу плохо вчера не видела что ты мне написала
а сегодня я вижу пропустив четыре страницы
не понимаю что-то случилось с ними, в романе
они говорят совсем другими словами
сделай как было
я сделаю все как было

летит пластмассовый стежок
до солнца долетит его не станет
сыграй мне на вилке не то гудок
ковры ушами шевелят
махровые как буквы уши
день светится и листья
на землю падая, кричат

просыпайся умерли ночью поэты все-все
в подвале больницы они занимают три полки большие
одни опухли ужасно,
усохли другие
а один так воняет санитары и те
намекают друг другу на это

одевайся посмотрим
только приговых тех шестнадцать
айги еще не считали
их вставные зубы раздали слепым детишкам
для еврейского карнавала

или, знаешь, пожалуй, останемся дома
говорят, там пожарники и милиция
я боюсь милиции
ты боишься пожарников
Наталья боится волков
останемся пить лимонад
вспоминая
как ходили поэты на парад – трум-пум-пум!! пиу!

одна похожа на тебя но недостаточно
немного вяло уныло
видимо умнее
явления архитектуры тебе сродни
когда случается такое: расстояние
между словами точно
приходится на знак среди домов
и в каждом есть и эр
и а
и крыша
а в окнах несколько нарочитые стекла
и полицейские над городом кружатся
плохое кино объясняет что с тобой делать
бог с тобою не надо
куда там

◇ ◇ ◇

я думаю когда б и ты сказал о именах
и выучил о них
и мы бы поделились, как в записях иерусалима
тебе например фронтон
мне подоконник
ах не надо не надо пусть

бери как есть

не надо крошить пополам
но ты же знал о справедливости! что ты знал?
я настою

носить за собой штукатурку и патрон из парадной –
– спотыкаясь

Не правда ли ты хорошо помнишь солнечные дни и свои детские мечты.
Твои детские мечты так напоминают мои детские мечты
так напоминают нашу общую действительность –
ты живешь на краю неба я на краю земли между нами ходит автобус, но вот
задумано было – трамвай, и покуда не будет трамвая, мы никуда не поедем.
Не правда ли ты также ясно можешь сочинить как я могла бы жить
если бы мир был устойчивее а жизнь не была такой бесконечно длинной.
Не правда ли ты дождешься зимы и ее подобия погоды и мы будем глядеть
я на твой почерк и ты на мой голос
как если бы принц
решил не целовать спящую красавицу пока сама не проснется.
И ты знаешь что есть
физическая боль
белая ночь
ветер пустыни
грамматический разбор словосочетаний
а я все это видела своими глазами одновременно.

◇ ◇ ◇

Мы начали произносить слова
сегодня в три
мы начали с частиц
да белое
а нет летает
невнятно мягко высоко
воздушным кубиком в зрачке
не всякий эти свойства знает
нам через радио придется разъяснять их
разрешать кружиться налегке
без вопросительного знака без упрека
и
образуя пятый день войны
они несомы станут и ясны
а мы?
разбогатеем продавая
права на запуск нет
не то что да
нет не то что да

кучер! кучер ушел и унес все свое с собой
гости разъехались
муха достигла сметаны
я привяжу эту хокку к ветви марихуаны
милый ты ремесло наше предал
заныкал знамя
птица не курица муха моя утонула
фрейлины челядь в дизентерийном бреду
солнце в зените
кучер унес кассеты и поросенка
Милый кто кисти твоих шаровар (нрзб)

Убогие глаголы и проводка
снаружи стен
так близко находящаяся ветка
от ясных вен
она одна железная дорога
опасней нас
ее железных десен длится нега
впадая в лес

А, человек из соседнего дома!
Тебе не снятся за поворотом
кафе, которых никогда нету
но торгуют ореховое печенье:
милые люди сидят в сумерках в нише
милые их разговоры мне не услышать
но тебе – и подавно.

Дома не станут больше клавиши
и вот, с-над поворота
не падают соборов купола
и никого у пальцев нет заботы
найти в зеленом прошлом.

Потому,
я потому ловлю
ищу на ощупь
сухие и покорные предметы –
они существования приметы
да оттенят они стеклом и дубом
абсурд
и мы на них облокотимся.

◇ ◇ ◇

Полуоткрытый шкаф алый плащ
полуоткрытый, плащ, алый шкаф
плачь – его нет – алый, полуоткрыт
плачь, о зелень ланит,
о, смоковниц пыль,
о, полет шмеля!
плачь и смотри как Светлана спит –
как не я
Ап! ты из-под попоны вод
рыбу повлек жену
Деревянная раковина поет
электрическую волну
Створки суть скобки крылья
сложенного плеча
из многопалой пыли
ночи плывет свеча
Гляди!
от меня отдельна, безумна, летит слеза.
Плачь, мебель, сложив колени, ладони, уши, глаза.

припали крылья мои к спине
и воздух к дыханию глух
ты знаешь имя мое но не
его произносишь вслух
и вовсе поздно рассвет кладет
мне на лицо ладонь
скоро меня господь приберет
праздничный как огонь
ах он возьмет меня насовсем
всего позволит просить
чем дальше от дома он скажет тем
легче все позабыть

Сон... смертным потом волосы твои
к остывшей прилипают голове
о господи сейчас твоей щеки
я прикоснусь в снегу и на траве
где ты стоишь пускай ни звук ни свет
уже не проникает до тебя
но для прикосновенья смерти нет
и жизни нет но только
ты любя

ЭЛЕГИЯ

Разврат чудесных папирос
дымок мой знак ответ
твой знак вопрос
Малютка Ленин – у того донос.

(его чернила мутные как дым от гашиша,
они и вьются сладкие и просят есть душа.
“Душа моя! съешь чернильницу” малютка Ленин сказал
и в черное небо синее из рогатки донос послал)

*Донос летает и шуршит
повсюду пулемет клюет
повсюду календарь и смерть
но дайте мне еще раз мне
полет доноса рассмотреть!*

В горле, далёко, чудной язычок –
видимо, для красоты –
все детство я гляжу на него
в зеркало
глаз не могу отвести.

Но где мое детство
но где этот дом
с зеркалом
где мы вдвоем
пряди огня за твоей головой.
Где же мой шарф голубой?

О, высокий расстрелянный дом,
ГОРЯЧИЙ РАЗИНУТЫЙ ПАХ!
маленький Ленин, спи под стеклом,
запах чернил на губах.

Поет и плачет офицер за стенкой
промок воротничок и плачет
Почему же я знаю что он офицер?
А, это сон, это сон, успокойся,
слюнявое сердце мое, отвернись и проснись.

Истратил он марки бумажные деньги
на медные деньги взглянул –
монеты как пятна мочи
зачем же он поет о чем он плачет
чего он требует у стула и кровати
за стенкой за стенкой за едкой известкой
и как подглядеть мое сердце и как сострадать

не убил и не поплакать нежно
не предашь и сладко не полюбишь.
Сердце мое! выкуем тонкие слог
уроним их в вену перелистнем страну
после десятка страниц беспредметной тревоги
офицер на шнурке повесится я усну.

Ш Т Р И Х И

делили кольца и менялись именами
видали черных с желтым птиц –

... думал в аптеку схожу где в колесах усатые белки
об изумрудные зерна резцы притупили
но мусульмане щедрь целлофановой пылью...

– а ветер приносил нам пчел с мышами и голоса столиц
и голосами града до колен квартиру занесло
и пчелы ели ржавое тепло

...

и теплую еще живую снедь нам люди подавали на шестах
а холодно и сон не мог согреть

моя самая маленькая птичка
носик невидимый

так любит розы
она сама

декабрь уж полон ясный сад гуляет пением тяжелым
газель несет большое горло
любовь
выходит на парад

море ласточкино гнездо крабы величиной с ладонь или
удостоверение личности

я
несколько раз море падало в окно

плоская вода
а если это любовь
а тот кто видел нас с тобою
он умер

он умер забывая нас
а под землей гуляет газ
согрет зимою
он обернувшись нас с тобою
увидел забывая нас

а мыши ели мед со стен
и дом
остался позади
...
ГДЕ
хоть что-нибудь

ТЫ

цитата

еще цитата

еще цитата еще повторяй это слово наборщик

Сон разросшийся куст
одна моя мечта
смотреть как белая клубится пустота
в его ветвях суставах красноватых

жестокий век я требую всего
что мило мне:
жестокая расплата
и зимняя несчастная любовь
и, темная, пусть расцветает кровь
в моем шприце легко
как пар любезных уст
февральским вечером летит в холодный воздух

шведская датская лодка гуляет во тьме
черная бабочка рядом со мной на стене
знай я носящихся лодок боюсь и огня
бабочек справа и слева и возле меня

жизнь обернулась как слабый исколотый миф
черные бабочки грудью садятся на риф
и как в янтарь неизбежно врастают в коралл
ты не спасешь меня ты это сразу сказал

выйдешь на улицу лодка несется смеясь
веслами врозь на ладонях поющая грязь
дома вся тьма или гости с железом в руках
демоны воют в зеленых зачумленных рвах

ПЕСНИ МЕРТВЫХ ДЕТЕЙ

100

1

Ты деревянная дева – вместо спины корабль
И у тебя два брата – брат колодец и брат журавль

101

Дева с птицей морской послала братьям письмо.
Братья, дайте мне имя – оно долетит само.

Струилась гладкая птица в игольчатых небесах
В горле письмом томилась, близким солнцем в глазах

А братья давно из камня сшили другую сестру,
Дали ей птицу в руки – не выпускай из рук.

Птица деву из камня в сад подводный влекла,
Рядом летело имя – огненная стрела.

Море – такое небо, только во рту с луной.
Из-под воды я вижу – ты горишь надо мной.

2

ГОЛЕМ

101

Где жизнь исполнена томительной надежды
Листва сгущенной синевой сыта
Верни меня туда –

Там купол крест и флюгер
Пасутся дымкой плавкого стыда

А здесь я крохкий каменный зародыш
Замытый каменным песком
Мне мир назойливый откажет не поможет
А в рыбьем горле цифра с коготком

Ты

прокаженным скармливал малину
полупустыню ставил на ребро
смотреться в миражи вел тихую скотину
как в собственное львиное нутро.

Верни меня!

Я никогда не буду
подглядывать, как сладко ты поешь,
обернутый в домашнюю простуду
как бы огонь одетый в дождь.

Во рту сухая капля божьей лести
сама с собой на каменных руках:
На пражских улицах лукавое еврейство
Меня видало в адских детских снах,

где жизнь исполнена томительной надежды
лыжня небес блестит передо мной.
Верни меня и преданно и нежно держать дитя над мертвою толпой.

3

102

В моем саду деревянном саду
Из сахарных кирпичей
Зачем так пели единороги
Сминая шелест лучей
(Скандинавские боги Оги прошли спиной):
Их глаза как стаи подводных рыб
Оставайся теперь со мной

Оставайся теперь сейчас никогда
слеза
Стекает по сухожилию минуя зеленьланит
! Не смотри им в глаза –
У них такие глаза
Как у нас; и от страха теряешь стыд

Тихо песни мертвых детей
Не оставят следов
В моем деревянном саду
Неосторожные кошки намеки сов

А если летающий на такси
Без счета пьющий неон
Придет – мы в комнате натошак
Накрахмаленный воздух жжем

А с утра кричат
И с утра кричат
Мы просто выведем его в сад
И сахар поглотит его легко –
Как воду и молоко

4

цветы:
у них запястья не просты
а это? –
ухо или губ
их ледяной
рдяной раструб
прости меня
за их способность кротко ждать
глаз есть
и пальцы отъедать
они живут из-за спины

СЕВЕРЬ ЮГ

Любовь есть ночь: Бог не видит любящих.
Сартр

Мы жили в раю мы не знали что делать с собой
свет возле окон боялся войти как живой
Между воды нам вложили пластинку сухих
на четырех цепелинах лежащих небес
Звезды за городом резали взвившийся лес
ление леса летело на ломтики крыш
В наших краях время темнее слюды
здесь же в раю зима и бела и темна
и между нами свобода стоит как стена
Жили в раю увернувшись от медной иглы
бедной войны и торговли и воли слепой
Выйдешь – прохожие все влюблены или злы
Только воротишься – и затомишься собой

*холуй трясется ложи блещут
и мачта гнется и скрипит
и я лицом в чужие вещи
от удивления визжит*

*съев ломтик меда лучше смыться
не то поймают и простят
нет я не сможет возвратиться
в заветный край простых цитат*

*все что звалось сердцуило
теперь зовется обылом*

*твоя чернильница остыла
луна сгорела под столом*

*Измывайся как прежде и каменный рай и литой
изводи своей смрадной
нетрудной своей красотой*

*и коростощный клюв грифонов с монет и ворот
щедро вскармливай слизью и бронзовый слизывай пот*

*то куда ты попала есть райский навязчивый сад
высоко это север а здесь не едят и не спят*

104

*кто о достоинстве и равенстве накажет
кто вынет лести коготок из горла твоего
рот аккуратно запаяй и шторы опусти
приди к себе а там сидит письмо
Тереза я тебя люблю но знай что кровь твоя сладка
рот аккуратно запаяй и шторы опусти
моя любовь повсюду здесь но кровь твоя сладка сладка*

*В южном раю среди статуй одетых под снег
странствуй одна в наваждении дареных нег
чтобы уснуть ты обязана что-нибудь съесть
на четырех цеппелинах витает небесная честь.*

Белая пыльная малина как просто так
дается в детстве в придачу к палисаднику и соседи двойные рамы битая вата
а тело из белого стало бледным
появилось желание объясниться
видите ли феминистки меня не любят
только бы если не стать феминисткой!
капустницы в холодце подмытые марганцовкой
клацают акульей пиздой

Мама

Мама

только бы не стать феминисткой!

Мама не стать нацменьшинством фашистом
пасторской самкой взрослой женщиной турком
лучше пожарником мертвым ребенком постмодернистом
только не старостой не багрицким не партизаном

Мама

мои друзья партизаны в застенке

и

чуть только ночь открывают заслонку и выходят оттуда
я не буду это синее молоко с пенкой пленкой
а ты ее доедала

не потому что любишь все противное а потому
что люди бывают разные
некоторые матери
некоторые дети
и некночи феминистки
дети плачут
матери плачут и едят пленку от молока матери-героини бесстрашно

вытирают попу

феминистки пьют напиток из сои

Мама

Это только инстинкты Ты
могла бы меня задушить и лгать что на десять лет младше
но пленка пленка
выдает мать оставленному в угол ребенку
Янтарные бусы вставные зубы под раздвижной кроватью
бежевый замшевый пояс на синем вязаном платье
что до жизни то оказалась женской
Я уверена что зажигалку под поршень
ты бы также ставила и сокрушалась смерти
но сострадание не определяет судьбу никак

– Ночь занимается со всех семи углов
кораблика сорокового года
на чайной ложечке он вынес свой улов
трофейную вишневою свободу

А ночь так мякотна почти готова течь
у лампочки фальцетом пляшет смерть
заманивая моль повыше к свету
нет у поэзии ни головы ни плеч
не приласкать и не призвать к ответу
ни толком рассмотреть

Бессмысленна, светло и далеко
гори среди деревьев запятая
льет на цветы пустое молоко
ночная птица песенки глотает
о, если бы и мне покинуть сетку вен
соломинкой пытаться потемки
отбрасывать и дым и тень
как прядь с лица снимать как бусы елки

когда бы что-нибудь звалось любовь
но уходя он переклеил слово
и птицы прячутся ко мне от зноя в кровь
и пьют ее и умолкают снова

◇ ◇ ◇

1

За шесть или семь – не тонких – стен
От меня за шесть или семь
Ну сбоку ну справа раз-два проступило метро

Ночные слова, или, лучше, подземные числа
Еще не разъяты
Победа не предрешена
Не подали нам окуджава стыда не нужна

Назови же своими словами вот эти и те
Мы присвоим они беззащитны прекрасны в своей пустоте
() мертвая мебель героя на нас погляди
Так и пляшет фаянс в застекленной но пыльной груди

2

За шесть или семь или восемь сытых погодой лет
Метро и кино успели слиться в одно
Разноцветное развлечение для цветных
(двое или троих) – но его нельзя разделить как сказал поэт
да и рифмы пристойной нет

мы говорим математикой – как бы солгать?
Рябь темноты возьмется ли нам помогать
Справа ли, слева: поверю ли в город родной
И сияет асфальт но я знаю покрытый слюной
Видно время мое истекло

3

У серафима шесть крыльев седьмой угадай
Вырвет язык да и вложит что хочет.

.....

Давай,
Слушай подводную свару трубы и винта
Топ тараканьих бегов или стоны кита (крика Ионы
у них в синтезаторе нет. Как метро и кино)

.....

На вершок бы мне города! Он бы влез в иглу,
Ею он и грозит и пугает бумажный флот
Город в два корабля и с иглой одной
Посмотри на него и глаза закрой

4

Шесть или семь понятных из стольких слов
Оснащенные жестами, пусть их, бери кто хочет
В скучной ночи нуждаясь в надежде и сне.

.....

.....

Мое отражение, пришито прочно,
Плохо сидит на мне.

С акцентом на губное “ц”
При розе с ржавым краем
Гуляет пенье на лице –
Мы это чудо знаем

И синее зияет “эс”
В полуслепых агатах
Мы знаем много из чудес
О лодках и ягнятах

Мы можем озеро вписать
Почти в любую стену
Нам это чудо повторять
Смешно или блаженно

ИЗ ИОНЫ ВОЛАХ

Когда ты слышал речь на звук и сам себя смотрел
И белый снег как сердца стук как тень ветвей в ушах шумел
Потели инеем стволы лесов среди домов
Я голубь
Я хотел все знать
Быть чудный человек
Я плыл в течение островов
Я был ребенком снов
Я сам туда узнал поток
И плавал руслом островов
Где остров белых жемчугов и остров черных жемчугов
я на небесном языке своем картинно говорю
и в светлом воздухе веду портреты букв на стих утех

В. Тарасову

Ловил себя и был уличен
Будучи уличен шептал спокойно
Я согласен я плох и хорош я такой никакой говорящий ложь
С меня не возьмешь
Я бисексуален да и вообще никогда не хотел и меня никто
И конечно когда не ты меня бы ни было не за что

Я сам не знаю зачем сиял тебе нимфеей в телефонной трубке
Пневматическими цветами
Почему желая прослыть мирным
Стал подло покорным

И я раскрасил себя пометом белым и черным
Незаметно у твоей парадной стоял сам себя два с половиной часа выжидал
Успел похавать пирожных
Рядом мент наркоман и двойной агент все красивее нас
Да не был я вовсе женщиной но видел не раз
Правда видел не раз
Хочешь я стану как эта тетьа
Ради тебя сейчас?

А я ворую слова они липнут ко мне
Как рахат лукум лукавы к рукам
Я как турецкий мальчик плоско ложусь на дне в пару парилен в крови
в порошке ислам
(Убедись у меня на каждой руке как у Сына Божьего – срам)

Я вымогатель и мародер *PhD моральных наук*
Я шантажирую сам себя тем что если а вдруг

Я юродив циничен мертв
Я обменяю душу на восемнадцать глаз
Вот я загляну тебе в рот
И – съем словарный запас

И что бы ни было, знаешь, я – жадно и зло,
А ведь раньше нежно умел,
Прежде бы тело само легло
Но я любил и не смел
Я прекрасных слов не жалел ковал я увидел тысячу снов
Я на боку углём рисовал сам на себе любовь.

Я успел привыкнуть жить не боясь света и темноты
Теперь ты прав я уже никто, по крайней мере не ты.

Всё Божье небо в позументах
Гусаром ангельским луна
Так спой мне, девушка, с акцентом
Задуй огниво сна

Я эполеты и венки
Тебе, вокруг немого тела,
Построю – только бы ты пела,
А в небе двигались полки

Покуда ты поёшь и тонешь,
Что слёзы в горле у меня?
Вся ночь одна твоя погоня
И запахпряного коня.

Видишь солнца алчный ноготь
На вчерашних небесах?
Дай ему лицо потрогать
Сквозь отверстие в глазах.

Нежный и бесчеловечный
Вкус изюма на язык.
Я с тобою к жизни вечной
И к бессмертию привык.

Не тихой бедности но нищеты роскошной
ищу забыть приметные поля
пусть: я лежу в земле, а воздух и земля –
как две страницы склеились оплошно.

У некоторых крыш ограды высоки
у слов иных есть выклики и сплески –
над нами птицы жалобно-легки
и оттого у них движенья резки.

Твой мяконецкий рот искал виноватых а находил
волос в паху или пение птиц ловил
и застревало в горле и навсегда
билось о связки чужое верхнее да

112

Ты часто давился: сном ли, хлебом изнанки
(лик, осененный хвоей елки-обманки)
став моим словом, слегка отдающим в стон
ты более не страдаешь уже. Прием.

О хиросима ницца благая лесь!
Тебе понемногу снится апокалипсис весь:
сваи стропила кровь кровь асфальт диабаз
дуб мочало орех Иисус хранивший нас

обоих. Солнечный лунный свет
плотен – не отличу от тьмы
Поднимается занавес и паркет
расступается – это выходим мы

Им двадцать первый век? – пусть не отводят глаз!
Это смерть.
Мы приказываем смотреть
наши сны,
не прерывая ласк.

Тело за мною ходило тело
Ело маковый мед
А теперь довольно, мне надоело
Я во власти других забот

Я в зубах сжимаю алую нить
К ней привязаны небеса
Я все выше, выше желаю плыть
Я хочу оставаться сам

Гильотина света над головою
И мне дела нету до нас с тобою
Пусть они в разлуке, в беде навеки
Я сегодня сам и мосты и реки
Я огонь и трубы, вода и мыло
Я что хочешь, лишь бы тебе польстило

Я Ариадна скалою у грота
В зубах нитка, во рту монетка
Я себе Ариадна, Тесей и Лота
Я голубка, детка.

Я находил старинные слова,
тупые деревянные колеса
Я волчий щебет дорогой травы
пересекал не раз, но не сейчас –
когда был юн и свеж, среди дворцов
среди скворцовых крох
небес пристойно светлых
А был я эстетически доверчив
и добровольно Сартра раскрывал
Я с детских лет боюсь чего попало
от страсти я бежал в трамвай новорожденный
С тех пор люблю я спать под ватным одеялом
враньё и героин, и секс по телефону.

Здесь негодяй пишет стихи о хорьке
Где же искать утешения, как не с тобою
Малоприличная детка о третьей руке
Небо горячее спинка и небо седьмое
В дикой стране меж четырёх столиц
Ты мне являешься в блеске стальных ресниц.
Радовская богоматерь иконка божия
(..... эти она)

Страсть достигая уст
душит
живую речь
Город позорно пуст,
негде с тобою
лечь...

След от бритвы безопасной
На предплечье у меня
Запах жести безобразный
От постельного белья –
Над моей кроватью стены
Все изъедены слюной
Шевелящееся сено
Русской речи неродной
Мне приносит голубь мира
Только воду в рукавах
Дайте же кусочек сыра
Выживать на островах

У П А Д О К

Облезли бархатные туфли
Снял гобелены кредитор
Икра и устрицы протухли
Бычки Герцеговины Флор

Лежат повсюду на паркете
В рояле плавает дюгонь
В саду вишнёвом злые дети
В костёр бросают том Гюго

Сосед уж не звонит а звонит
От нас в Житомир не спросясь
С утра в окошке голубь стонет
На мрамор испражняясь власть

В почтовом ящике томятся
Угрозы штрафы и счета
Глаза закроешь деньги снятся
Глаза откроешь нищета

Ни в банк, ни в гости не пускают
А в день что отключили газ
Мой муж признался умирая
Я пидорас

Его бесплатно похоронит
Наш добрый пастор но ужель
Меня хозяева прогонят
В облезлых туфлях на панель

всего-то города
цветная штукатурка и остановка с желтым гребешком
списки стихов
у бледных женщин между открыток
а где я в полуплащике тусуюсь
хлопки
расставленных оставленных небес и реки
пошире строк заламывают взгляд

ваша подружка, министр
муху и туфль можно убить дверью
вот и нету вашей подружки
нюхала волосы у прохожих юрким глазом ванный сток
ломтики рук и ног
смерть выходит из-за леса с мокрой тряпочкой в руке

◇ ◇ ◇

Несомый жук в топимый рай
вел мыслей круглый каравай
по ветру трав под вкусный свет
вот, мыслей нет.

Сошкину

Надсадно яркое о маленькое душно
В неясных берегах
Неслышным искушениям послушны
Цветные ангелы поют о берегах

Неясных алюминиевых тоже
Надсадно яркое кому ты ни скажи
Спроси меня? Но глаз сдержать не может
Цветной сменяющейся лжи

Не синее ль? Но кто меня обманет?
(Неслышен страх)
А искушение полою пыльной манит
(манит)

Где ангелы поют о берегах

Где море юркое где чудных веток душно
И, захватив монету в плотный рот
Двум-трем твоим движениям послушный
Где музыкальный автомат поет.

ПЕРЕВОД С ЕВРОПЕЙСКОГО

Андрюше Гликману

Словно Англия Франция какая
Наша страна в час рассвета
Птицы слепнут, цветы и деревья гложут
А мне сам Господь сегодня сказал
непристойность

Или я святая,
или, скорее
Господь наш подобен таксисту
Он шепчет такое слово каждой девице
что выйдет воскресным утром
кормить воробья муравья и хромую кошку
из пёстрой миски

А в хорошие дни Господь у нас полководец
И целой площади клерков, уланов, барменов
На языке иностранном, небесном, прекрасном
произносит такое слово, что у тех
слипаются уши

Господи, дай мне не навсегда но отныне
мягкий костюм, заказанный летом в Варшаве,
есть небольшие сласти, минуя рифмы
изюм, например, из карманов, и другие
крошки.

Терезиенштадт, апрель 1943

К ПАЛИТРЕ АНЕЧКИ

При подготовке к переизданию собрания Анны Горенко (1972-1999) в более полном виде, мною были исправлены недочёты и ошибки комментариев к АНЕЧКЕ 2000 года и «Сочинениям» 2010-го. Что, в свою очередь, позволяет лучше сориентироваться и осветить повороты серпантинного пути поэтессы; в целом ряде случаев нашлось что добавить, а то и переосмыслить. Благодаря откликам читателей хорошо знакомых с окружением поэтессы, мне удалось, наконец, выскоблить и заведомо неверную информацию некоторых комментариев, кочевавшую из одного издания в другое. Лицам заинтересованным стоит принять это во внимание.

В случае разночтений останавливаться на лучшем я продолжаю считать единственно справедливым принципом отсева. Я не учёный, родился не в книжном шкафу, а от мамы, вполне живым, к тому же поэтом, и любые якобы научные претензии – дескать, мы знаем так, а у тебя не так – оставьте для других. Одно ст-ние из мне известных (назовём его №97) я не включил в собрание, оно абсолютно «наркотское», написано под героинном (или в ломках), часть слов трудно разобрать. В своё оправдание скажу: ни один человек не имел и не имеет права вторгаться в стихи Анечки. Кроме меня. Такова воля покойной. А вот расписки – нет.

При наборе всего корпуса собрания мною учитывались компьютерные версии, большую часть которых можно считать теперь устаревшими, публикации, распечатка книги с авторскими правками, автографы или ксероксы с них. В целом можно сказать, что вариативность в стихах А. невысокая. Проблема палеографической унификации текстов, а именно – узел недоумений по поводу способов написания каждого конкретного стихотворения и датировки – эта проблема настоящим изданием решена (после бесчисленных проверок). В некоторых случаях я был вынужден прибегнуть к технике комбинированного набора, оглядываясь при этом на прижизненные публикации, если таковые имелись. Ещё в ряде случаев, где А. просила помощи, подправлена строфика. Поскольку разговоры по поводу её стихов велись между нами десятки раз, я полагаюсь на свою память больше, чем на чужую. В выборе назва-

ния книги Анечка колебалась, их было два: “Полёт шмеля” и “Королевская шкура шмеля” (см. стих. *Жжет и лижет язык... и Полуоткрытый шкаф...*), предпочитая всё-таки второе (подробнее см. комментарий к стих. *Небце синее...*). Следующую книгу, которая должна была называться “Город”, она “рассчитывала” (в кавычках, поскольку знала – без кавычек, – что не удастся) закончить к середине 99 года. К сожалению, малую поэму в 50-60 строк удивительной красоты (А.Горенко работала над ней четыре месяца), разыскать не удалось, боюсь – она ушла с концами. Известные мне разночтения здесь приведены с дотошностью достойной недействительного члена Академии Буквальных Наук (завывания же о “неправильной концепции” этого издания – лепет смехотворный). Курсивом в стихах Анечки выделены цитаты, она применила этот приём ещё при жизни и намеревалась в дальнейшем им пользоваться. Что касается поэтических аллюзий, прозрачных и менее (а у Горенко их немало), тут невозможно всё время оставаться в стороне. Поскольку некоторый задел в этой области уже есть, я счёл нелишним его углубить (да и расширить) – «мемуары» от того не пострадают. Все публикации из первого раздела собрания А.Горенко приходится на иерусалимские издания, поэтому в ссылках этот факт опускается. Сразу за названием следует год написания, вслед за ним – место первой публикации. В ссылках на посмертное издание “АНЕЧКА. Малое собрание Анны Горенко” принята аббревиатура МС 2000. Журнал “Солнечное сплетение”, хочется того или нет, сияет двойной эс. Московское издание «Сочинений» обозначено в других разделах книги как Сочинения 2010.

я выхожу из провинций... 1992. Антология “Двоеточия”, 2000. Эпиграф к предполагавшейся автором книге.

в городе где темные соборы... 1988. “Симург”, 1997. Российские стихи.

В день торжества электросвета... 1988. “Симург”. Российские стихи. Здесь *город* уже *заповедный*, и даже *подледный*. Это может быть Ленинград, поскольку последний год с лишним до отъезда в Израиль она провела в Бендерах. *Весь набережный Ленинград* стал для неё в то время *заповедным*, однако эпитет *подледный* вынуждает усомниться в том: Ленинград ли? – мне известно, что Нева замерзает зимой, но это не довод... Во время подготовки книги А. внезапно внесла поправку в 9 строку: *но всякий раз в сплошном покое*. Менее удачный вариант, по-моему.

Несколько смертных строк... 1990. “Симург”. Третье из ранних стихотворений, в котором наличествует *город*. Раньше этот образ подерживался прямым указанием места или же урбанистической драпировкой, хоть и минимальной. А здесь её город *картонный*. Сделанный. Какой-то другой город – *белый белый*. Очень важный эпитет для А., чуть ли не решающий. К ностальгии эта вещь не имеет никакого отношения, не поддавайтесь на болтовню некоторых критиков.

Одежда рахат лукума. 1990. СС №6, 1999. Здесь слегка отличающийся вариант. В журн. публикации 4-я строка снизу начиналась *нет не требуется...* А. говорила как-то, что есть две правки в строчке, но из них надо выбрать только одну. Выносить первую строку в название ей не хотелось. С красной строки начинается стихотворение, а 1-я служит своего рода предупреждением. Название как бы вписано в ткань стихотворения, не является «шапкой». Строфика тут соотв. распечатке книги, в НЛО-шном издании строфика бессмысленна: *вспархивает севера января* – глупость неприемлемая. См. также комм. к ст-нию *Сон...* и статью «Феномен Анны Горенко» (Владимир Тарасов. «Россыпь» и... Иер., ИВО, 2013). И по ходу: рахат лукум «одевают» сахарной пудрой.

Жжет и лжет язык... 1991 (датировано по распечатке, Э.Аранов утверждает, что слышал эту вещь от неё в 1990). “Симург”. Как уже говорилось во вступ. статье, *Королевская шкура имеля* – предполагаемое название готовившейся книги. И уже здесь, в раннем её стих., прозрачен момент визионерства – как ни крути, не *кто-нибудь*, а я держу перед нею *речь о смерти имеля и пуле прервавшей его полет*. *Расстеленная шкура поверженного имеля* – именно эта книга (см. комм. к *Небцу синему*). *Дверь* в 3-й строке – разделяющая грань, она *уступает*, образуя проём, связующий жизнь и смерть коридором сновидений. Ведь автору *снится*. Это – первый узелок, следите за нитью.

Там краеведческий музей... 1991. “Симург”.

сметана есть сметану... 1991. МС 2000.

юннат беспризорный могильщик... 1992. СС №6.

Я буду ранний серый чай... 1992. “Симург”. А тут вдруг речь, ни много ни мало, о реинкарнации адресата... Просто так о том не пишу.

Отступление тьмы на поворот за Латрун... 1991. “Обитаемый остров” №2, 1991. Первая публикация А.Горенко. Посвящение Дане Зингер.

Post factum. Все стихи цикла публиковались отдельно. Тем не менее, они собраны в цикл. Такова была задумка. Ещё в 1995 А. Горенко прикидывала, каким образом собрать их вместе. Идея цикла возникла сразу по написании *Они в саду играют марш*. Это стихотворение – реплика на публикацию летом 95 стихотворного цикла “Церемониальный марш” Михаилом Генделевым. Тогда-то и родилась идея собрать стихи, написанные во время войны 1991. Отсюда я начну канву.

Анечка была и осталась дорогим моему сердцу человеком, существом, которое я любил, а она хотела только одного от жизни – меня, целиком и навсегда. Первый виток нашей близости пришёлся на позднюю осень 1990 по май 1991. Болото проснулось, пошло брожение в литературных кругах, массовая эмиграция из Совка нас растормошила. Как раз в ту пору, в ожидании первой своей публикации, А. решила найти псевдоним, что и было сделано, у меня на дому. С весёлой и дерзкой лёгкостью. Она намеревалась каким-то образом “задеть патронесс”, другими словами, закрыть интеллигентскую тему Ахматова-Цветаева, на что я ей сказал: Марину Ивановну не трогай. Бывший в это время в нашей компании молодой, чтоб не сказать юный, поэт Демьян Кудрявцев мгновенно среагировал: возьми Горенко! Идея понравилась, А. поколебалась скорее для виду, через месяца полтора тот же Кудрявцев, будучи одним из редакторов журнала “Обитаемый остров”, запечатлел публикацию А. под этим псевдонимом...

В мае стало совершенно очевидным – роман между нами продолжаться не может. Казалось бы, всё похоронено. Но, начиная с лета 95 года, связь возобновилась с ещё большей силой (с её стороны – наверняка) и с невероятной, порой, токсичностью истерических состояний. Не знаю, выглядит ли оно логичным, нормальным, “отрефлексируемым” и т.п., однако ту войну, во всех смыслах настоящую, через 4 с лишним года ей захотелось отыграть особо, – коль скоро *они в саду играют марш*” – “давай играть в войну”. Чем и объясняется тот факт, что в цикл вошли стихи разных лет. (Как цикл – он второй, создан после *Наблюдательного пункта*, с которым А. не могла никак ужиться). Однако состав цикла был автору неясен. Незадолго до смерти, когда Анечка готовила корпус книги, она просила меня помочь с этим, выбрать ещё одну вещь. Что я и сделал, но, к сожалению, уже после. Название ею предложенное (*Post супермаркет*), я отмёл ещё тогда, и мы успели во время совместной наотмашь-гулянки в конце 98 обговорить с ней новое, приведённое здесь. Она согласилась, что предыдущее достаточно невыразительно, буднями пахнет.

1. *они в саду играют марш...* 1995. “Симург”. Я даю выправленный

книжный вариант. Попытки канонизировать уже напечатанные версии стихов, версии, в которые заведомо внесены автором исправления, обозначенные чуть ли не во всех предварительных компьютерных вёрстках, – такие попытки глупы и приносят только вред.

2. *я маленький японец...* 1992. “Симург”. Легко догадаться, почему стихи 92 года тоже вошли в цикл. Казалось бы, появление японца несколько загадочно, но лучше см. прим. к пятому стих. цикла – оно написано раньше, что многое объясняет.

3. *Мы говорим на детском языке...* 1991. МС 2000.

4. *смерть прикрывает наготу...* 1992. СС №6. Вернувшись к идее объединения этой вещи с другими в цикл, А. резко изменила строфику, что придало стихотворению удивительную свежесть, дышит оно теперь иначе, свободней. *Праздник неспелого хлеба* – Пейсах. “Наш” конец марта (см. ниже) пришёлся как раз на канун Пейсаха, а стихи, судя по авторской датировке, написаны в следующий.

5. *Цветы живут быстрее...* 1991. “Симург”. Всё та же весна, а в Израиле весна короткая, тем более – “наша весна”. *Вино* в литературе Востока (суфийской, в частности) имеет устойчивые коннотации – поэзия, стихи, поэт. творчество, а кроме этого – окрашенные экстатическими тонами: опьянение суфийским вином – опьянение созерцательного свойства, суфий пьян от дружбы с Богом. Первое, в данном случае, пожалуй, верней. Иной ряд “винных коннотаций”, не менее устойчивый: удовольствие и радости жизни, – здесь не проходит. В “восточном” прочтении первая строка – с японским элементом (недаром само стих. почти танка) – становится прозрачней: *цветы живут быстрее тленья вишен* (в противовес мандельштамовскому утверждению) – прямой намёк на знаменитое мимолётное цветение сакуры, что имеет скорее романтический оттенок, а поэтический аспект находит развитие в следующей строчке: *ещё быстрее и слаще жизнь вина*. Стены какого-то села оказываются *белей и слаще стен наших*, причём – село это потустороннее, *имени его сюда не слышно*, а белая его стена – *сладка!* (На тему *сладкого* в поэтике А., опять же, см. мою статью «Феномен Анны Горенко».) Т.е. белизна для автора – это концептуальная категория, белое у А. свидетельствует о принадлежности к поэтическому ряду. И ею возводящийся город тоже белый. Белизна у А. – синоним поэзии, символ чистоты поэзии, а точнее – нездешней чистоты поэзии.

6. *Одна война зимы две...* 1991. “Симург”. Война только-только кончилась, но уже был опыт, ракетные обстрелы – не фестиваль; *зимы две* – за плечами: А. приехала в Израиль в 89 году; *месяц рыбьей кости* – имеется в виду зодиакальный календарь, Рыбы (с конца февраля по

22 марта), кость же обозначает хвостовую часть – 20-е числа марта, наш малый “пик”, не говоря уже о том, что именно в эти дни был придуман псевдоним; *теперь смотри когда они пройдут* – публика, толпа, и тут же – яркая и бесцеремонная характеристика лиц: *березы и табак дурного цвета; затем опять голландия* – в последнее время я всё более склоняюсь к тому, что *голландией* назван Тель-Авив (прибрежная топография и раскованность населения схожи), а вовсе не мельница над Мишкенот Шеананим; что касается *створок А*, кот. *нам небо раздерут*, есть несколько догадок: уже тогда А. хотела войти в литературу именно Анечкой, а судя по тому, что мне подсказывает память, видела это. Но и русский алфавит начинается и кончается фонемой «а», мне же, в свою очередь, хочется думать, что имелась в виду также (по ассоциации) моя первая книга «Азбука» – Анечка эту книгу ценила и любила. И первая строчка в след. строфе мою догадку относительно «Азбуки» подтверждает: *где все плескался твой зеленый глаз*. Правда, *небо* в таком случае не может прочитываться как *не́бо*.

7. *Где ночь отвесная...* 1991. СС 4/5, 1999. Цикл не случайно долго ею составлялся. Последнее стихотворение, по справедливому замечанию П.Птаха – совершенно очевидная аллюзия на ахматовские строки “Не знали мы, что скоро / В тоске предельной поглядим назад”. Если я верно понимаю, – это в виде ответа поданная реприза расставания с принятой некогда парадигмой письма, уже заложенной обманчивым ориентиром в псевдониме, и потому постоянно “нависающей” при столкновении с этим псевдонимом. И не надо ей лишнее шить!

Небце синее... 1991, начало. В антологии “Двоеочия” другая версия – *под локти ее...* Известен также и оригинальный, не устраивавший её вариант концовки 3-й строфы. Я здесь воспроизвёл версию, принятую в российском издании “Праздник неспелого хлеба” (чуть ли не единственный случай, когда удалось придти к чему-то похожему на взаимопонимание с редактором “Солнечного сплетения” Е.Сошкиным при подготовке текста). В этом ст-нии мы опять встречаем город: *в городе сахара не из мела*, А. подчёркивает сладость через сахар, а другое качество – белизна – выявлено здесь дважды. Второй раз белизна утверждается через «апофатическое» отрицание – строительного (да и чертёжного) материала – *мела*. Т.е. путаница тут исключена, город – белый. В этом городе чем занималась героиня ст-ния? – правильно, поэзией, *пела...* Город лирики...

По поводу книги А. заговаривала со мной часто. Потом это откладывалось. На полгода-год. По-настоящему актуальной тема книги стала

летом 1998. Корпус определился. В целом это выглядело так: отобра-
но 46 стихов, в том числе ещё нигде не выходявшие, но которые ни в
одну из журнальных подборок уже не пойдут: надо дополнить цикл
(см. выше) одним из этих 46, добавить пять из “Сплетения” №2 и ещё
одно или, может быть, два; созданные в этом году (1998) вещи почти
все остаются в стороне, не включаются. Таким образом – 51 стихот-
ворение (в корпусе, кот. я располагаю), ещё одно – это *С акцентом
на губное “ц”*... и, возможно, *Полуоткрытый шкаф*... Картина издания
для А. была в целом ясна: лишь кое-какие детали дотянуть. Рабочих
вариантов названия, как уже говорилось, было два. На первое (Полёт
шмеля) я отреагировал так: Анечка! Ты же гораздо взрослее. Какой
шмель к ебням! На что получил любопытное признание: во-первых,
шмель – это давняя, ещё с детских лет самоидентификация, тем са-
мым она убивает двух зайцев – расстается с “как бы детством” (ни-
чего себе! хотел бы я иметь такое “детство”), и заодно – расстается со
мной, во-вторых. Я понял это слишком буквально и спросил, какого
чёрта она морочит мне голову – то каждый второй день поёт о своей
любви, то вдруг расстаться. Но речь шла о другом – стихи, конкрет-
но связанные со мной и её прозрениями-переживаниями по поводу,
войдут в первую книгу, именно поэтому многие сильные вещи от-
слаиваются и служат костяком следующей. Поскольку я ни разу не
видел книги в собранном виде (только после смерти она попала мне
в руки), эти разговоры по касательной меня удивляли и даже достали
на каком-то этапе (да привези уже, сколько можно выслушивать всё
это!). Выглядело оно подчас так: (в автобусе в Тель-Авив) – Вот сейчас
надо использовать время – говорит Анечка. – Ты разве не выпалась?
– Я-то выпалась, как бы ты не заснул. Не спи. – И, например, что?
– Я скажу тебе сразу всё. – Всё? Опять всё! – Не стебись, гад. Ты гад!
– Ради бога, не обижайся, Анечка, я так часто про всё от тебя слышу.
Не обиделась, одела было гордое лицо на миг, и тут же рассмеялась.
Затем – включает меня на тему *Наблюдательного пункта* (см. ниже)
и двух строк в *Небце*. Причём выставляется условие – я должен это
запомнить! Тут же оказалось, что я ведь уже дал слово (ни сном, ни
духом, когда?! где?!). – Ничего не обещаю, а, нет, обещаю, постараюсь
вспомнить, со всей силы постараюсь, всей башки!.. Милая Анечка...

дома как стопки детских книг... 1992. СС №6. Ну что? – город «стро-
ится» и, как и положено городу, начинается он с домов...

скажи что стало с Гаммельном... 1992. “Симург”. В стих. *Небце синее...*

появлялась уже флейта, здесь – Гаммельн, мы будто наблюдаем сцены из цветаевского «Крысолова». Правда, о детях здесь ни слова, а вот сам Гаммельн заносится снегом. Опять – белизна! При этом Гаммельн объявляется *моим*: речь об Анечкином городе. И автор населяет его мёртвыми телами, остальные разбежались, город, вроде бы, разваливается. Недовольна была А. достигнутым. Быть недовольным собой поэту полезно, критический подход к себе и собственному искусству – залог будущих достижений.

Мы могли бы жить... 1992. Антология “Двоеточия”. Как ни странно, я видел вариант, в котором каждый катрен является самостоятельным стихотворением.

где ангела одежды золотые?.. 1992. СС №6. Ранее в МС 2000 печатался другой вариант, но исправления в распечатке книги не совсем ясны, поэтому здесь вариант общепринятый; в МС строки (2-3): *разомкнутые небеса почти пустые / господь уже на волю отпустил.*

Одноместный самолетик прыгает... 1992. МС 2000. Озорная была девушка! В последней строке 3-й строфы всю жизнь занозила слух дурацкая ошибка, правку предложил Евгений Сошкин, за что и благодарим. Стихи эти – описание игры с маленьким братом. А вот что до гагаузов – была в те же годы написана большущая поэма о гагаузах, этакое гонево, стебалово. Куда она подевалась?..

Мыши – кишимиши... 1994-5(?). МС 2000. А вот и изюм, пока ещё мелкий.

Первый верлибр. 1993. “Двоеточие: 2”, 1995. Эта вещь стала стержнем первой существенной публикации, сост. из трёх стих. под общим титулом ЭПИГРАФ К ПОЭМЕ. Строфика в журнальной версии до абсурда не аутентична. Стихотворение получило паскудно-глумливый отзыв в одной из тель-авивских газет от убогих, но наглых претендентов на суждение о поэзии... Несмотря на то, что о каких-либо тесных отношениях между нами в 1992-4 годах говорить не приходится, в ракурсе поэтического восприятия первый их виток закончился для А. именно тогда, и в такой эксцентричной форме; хроника отчаяний души имеет свой календарь. Название стих., кот. было опущено редколлекцией журнала (а вместе с ним, по словам А., покойный Малер насоветовал снять и горькое посвящение *Учителю*), свидетельствует

об эволюции взглядов на современные требования к формам высказывания – это первый верлибр (верлибр, а не верлибризированная тоника с вкраплениями то рифмы, то выверенного традиционного метра) А.Горенко, их будет много. ...о *сокрытом* – о костном мозге – цитата из моей поэмы “Паломничество в Пунт”. Насколько я понимаю, эта поэма – одна из дюжины вещей (на глаз) моей второй книги, к которым А. питала какой-то интерес. В целом книгой она была разочарована, обоими её изданиями, и в 98 году говорила мне, что 3-я попытка будет удачней. Могу это подтвердить уже сейчас: да, нынешняя версия лучше, но вот успею ли я её издать?!

Он управляет города заправив маслом... 1994. “Симург”. По прочтении этих стихов припоминаются бокштейновские – такой же неординарный набор эпитетов. Автор едва ли не «склеивается» с белой лошадкой – виновницей странной образности и эпитетов. Выделенное болдом начало – см. прим. к ст-нию *Сон...*

Наблюдательный пункт. 1994-5. МС 2000. Этот цикл публиковался до и после и везде неправильно. С “Пунктом” А. возилась долго и ещё в 95-м признавалась: что-то с ним не получилось. Существуют четыре, а то и пять версий, две из них не в счёт: полная неразбериха. У меня касательно цикла постоянно возникали претензии, по поводу чего мы с А. препирались не раз, но она настояла-таки на своём – вопреки своему принципу, публикую именно в том виде, в каком цикл включён в книгу... Пульс Аниной жизни в последний год бился в страстном ключе здесь-и-сейчас приключений, не важно какого сорта, пусть хоть невинных: ну, чем мы развлечёмся? каким образом сегодня оттянемся? Её постоянно куда-то несло, мысли вышибали одна другую, одновременно принималось три решения, бывало – мы передвигались по городу зигзагами. Будучи несобранным человеком (мягко говоря), Анечка даже правки не могла внести толком, оправдываясь тем, что стихи-то старые и терпения на них не хватает. В книжной распечатке цикла два слоя правок и создаётся впечатление, что строки 7-12 в пятом стихотворении надо бы стереть, как и опущенные до них. Но я не рискнул. В 6-м “Сплетении” это стих. напечатано отдельно, в прежнем варианте, что также неверно. Зачёркнутое автором (мне ведь есть на что опереться, утверждая подобное) должно быть зачёркнуто, в этих стихах достаточно выразительны впечатления детства и ранней юности, чтобы дорожить отрывками инфантилизма, да и, в конце концов, неужто такое понятие как авторская воля уже отменили?..

Третья вещь цикла почему-то датирована 91 годом. Думается, это промах пера, четвёрка такой получилась, в спешке проставляла даты. Но верно и другое, манить её *радужная смерть* могла и в 91, да и ранее тоже. О датировке, вроде бы, разговора не было. Основной лейтмотив этих стихов – прощание с *утром*, юностью. Привожу ещё один текст из цикла *Н.п.*, после затянувшихся сомнений отвергнутый ею (он находился между 3 и 4 стих. настоящей публикации и в какой-то мере объясняет происхождение “*свиста*” в 4 стих):

*не жестче воздуха казалось мне земля
слаще света ближе
пригляднее дышать и глаз не режет
и было горло розовых корней
знакомым другом
и ты был я –
казался мне собою
и свист тарковского не остывал от слуха
не гасла чайная луна.*

В некоторых распечатках не вошедшего в цикл стихотворения, тарковский пишется с большой буквы. Вместо того чтоб длинно объяснять, легче сослаться: см. “Бег времени”, Тель-Авив, март 1991 (номера не помню), моя статья “Распахните окна”. Свежеприехавшая интеллигенция возмущалась громко и невнятно (Арсения обидели, кумира!!!). Выше приведённые стихи – очередное воспоминание о весне 1991. Строка из 5-го стих. цикла *а все петербурга не видно не видно за вывесками не видно* – своего рода подтверждение тому, что мы на Наблюдательном пункте, А. не случайно вычеркнула две последние строчки стих., которые иные упорно воспроизводят, а я отказываюсь. С другой стороны, надо отдать должное наблюдательности моего оппонента Евгения Сошкина, который верно акцентировал внимание на значении “петербургской” темы у А.Горенко. Это знакомая тема, но к Петербургу лишь косвенное отношение имеющая. У А. мы не обнаружим ни пушкинского Петербурга, ни Петербурга Достоевского, ни Андрея Белого. К школе одноимённой по большому счёту – тоже никакого отношения. Самым близким из питерцев к А. может быть названа, разве что, Елена Шварц, с некоторой натяжкой. “Петербургская тема” тесно связана с погусторонностью у Анечки, причём в прямом и переносном смысле. Обозначив “пространство post mortem” закордоньем, – а зафиксировала “закордонье” она ещё в

“шмеле” (*Жжёт и лижет язык королевская шкура шмеля...*) – А. совместила две не совмещаемые, казалось бы, плоскости в одну. Она ведь начала в Питере. А тут Питер для неё стал реальной границей, куда Горенко, кстати, не помышляла возвращаться. Да и зачем? Искать приключений, что ли? Нельзя же, в конце-то концов, любую её мистификацию принимать за чистую монету.

“Петербургский” код, этот обоюдоострый эпитет закордонья, как успешный, хотя и не самый очевидный приём, осознаётся ею через три года после “шмеля”. Преображаясь по ходу дела, вследствие импульсивного развития дара, кодировка последовательно переосмысливается, *город* трансформируется в новый код: *петербург*. На каком-то этапе *город* и “*петербург*” сливаются в одно целое и окончательно отождествляются автором с собственным творчеством, верней, с достижениями в собственном творчестве, недаром она *Городом* задумала вторую книгу назвать. Проще говоря, свой город, не вторую книгу, а свой “петербург”, она возводит уже здесь и возводила в более ранних стихах, как было мною показано выше. Потому-то Анечка и говорит: *а все петербурга не видно не видно за вывесками не видно* – о «строительстве» *города* ею объявлено в пред. стихах неоднократно, но *завысками* этими его пока не рассмотреть. При этом необходимо понимать (нам), что её “петербург” мог состояться лишь по окончании земного пути Анечки. О чём она имела самое чёткое представление, и чему я посвящаю немалую часть своих комментариев (ниже).

придумай мне сестру... 1995. “Двоеточие: 2”. Откуда взялись скобки в журнальной публикации – ума не приложу.

летит пластмассовый стежок... 1995. МС 2000.

просьбайся умерли ночью поэты... 1995. “Двоеточие: 2”. Готова книгу, А. внесла незначительное изменение – в журнале было *раздают слепым детишкам*.

одна похожа на тебя... 1994-5. Антология “Двоеточия”. Опять город. Строчки: *и в каждом есть и зр / и а / и крыша* – «р», «а», «т». Таким образом, А. вписывает автора этих комментариев в свой город.

я думаю когда б и ты... 1995. СС №6. А тут уже предлагается поделить здания города между нами пополам...

Не правда ли ты хорошо помнишь... 1994-5. МС 2000. Здесь достаточно сказать одно: вот, дождался зимы, гляжу на её голос, люблюю, “в тоске своей высокой” (комбинированная цитата).

Мы начали произносить слова... 1995-6(?) Антология “Двуеточия”. Дату определить не получается. Оригинал я видел, когда была какая-то война (их было много на Балканах), у А. появилась печатная машинка в конце 96 (оригинал машинописный), сын её начал говорить поздно, проставленный под стихами 95 год, по-моему, не соответствует действительности. Как бы там ни было, наверное, стоит отметить: *да белое* – белизна у А. синонимична утверждающему началу.

кучер! кучер... 1995. “Симург”. Ходили слухи, что кучер – это про меня. Если я милый – тут всё понятно: ремесло наше предал – ёлка-обманка (а ветка на ёлке – марихуаны), знамя заныкал – сами вручили. Если я кучер – где моя кепка, где мой кушак, где овёс для кобылы? Солнце – в зените, фрейлины – челядь, муха – пусть тонет, но где же попона? Кнут скоммуниздили! Лошадь угнали! Телегу, небось, на базаре продали! Что остаётся – заныкаешь знамя. И с ним поросёнка... А где шаровары?!

Убогие глаголы и проводка... 1996. СС №9, 1999. Первый намёк на иглу, до того А. не кололась. Но это ещё не героин. Это “джеф”, “белый” кайф, эфедриновая основа. Получила “подарок от души” химика и “начинающего литератора” на 24-летие, он же её и вмазал, – подарок пришёлся по вкусу. С героинном её познакомил ещё один “благожелатель” спустя полгода-год. Говорят, он умудрился отправить на тот свет дружка, передознув его. А сам вконец успокоился (хотя слухи: беспощадно успокоили) четырьмя месяцами позже Анечки. Человек этот был влюблён в А., дураком его не назовёшь, мог бы чего-то достичь. Однако все способности ухлопал на виртуозное воровство и перманентное повышение дозы, играя в жмурки со смертью, – эдакий самоубийца: мой товарищ однажды его откачивал, синего. Не первой – сказал, – уже приходилось, другого, правда, 40 минут бешеного сердечного массажа, безостановочного, надо знать, как! – в поту ещё весь пришёл ко мне поделиться да лицо ополоснуть; в тот раз удалось чувака выцарапать, но спустя три месяца он добился своего... Странная натура округом вокруг.

А, человек из соседнего дома!.. 1996-7. “Симург”.

Полуоткрытый шкаф... 1995-6(?). “Симург”. Прости, милая. Это была жестокая шутка... Во второй строке *плащ* подчёркнуто с мягким знаком – тем самым, плащ становится женского рода.

припали крылья мои к спине... 1996, октябрь. СС №9. В поэзии А. сильно зазвучала тема предвидения, ожидания, зазывания смерти. Но что вызвало необходимость прямого говорения о ней? А. видела собственную смерть вполне конкретно (см. комм. ко *Сну...*, *Северьюгу* и далее). Сначала этот визионерский опыт вносил только путаницу в её представления, как мне кажется. Ещё 3 годами раньше она не была на все сто уверена, что сновидение, отражённое, например, в стих. *Жжет и лижет язык...* имеет действительно жизненный подтекст, кромкой сердца Анечка ещё верила в некую виртуальность информации, поставляемую ей сновидениями. В 94-95 годы (см. *Не правда ли ты хорошо помнишь...* или тот же *Наблюдательный пункт*, третье стих.) это становится в её понимании бесспорным фактом осязаемого будущего и фактором, меняющим поведенческий код в настоящем. После смерти А. Горенко, обнаружилось стихи, достаточно сильно перекликающиеся со стих. *припали крылья мои к спине*. Я помню, как она декламировала их, сказав, что не столько даже плохие, сколько наивные, пока только заявка, на подступах к новому, иному, но в них она впервые нащупала главную свою тему, в рамках которой зрелые вещи ждут впереди. Так оно и вышло, действительно, эта тема родилась:

*Я буду спать в сапогах в раю
в сапогах и в тёплых носках
под левую щёку сумку свою
положив и с книгой в руках
и не будет холод меня будить
под звёздами в темноте
и мне не придётся больше просить
у Бога дом и постель*

Александр Лихтикман, передавший эти строки, получил автограф в 90-м или 91-м (в МС 2000 моя ошибка). Но текст создан раньше, А.Л. вспоминал, что шла речь о давних стихах, ещё питерских. Что очень похоже на правду. Я их слышал от неё спустя много лет знакомства, а сейчас уже не сомневаюсь, – это строчки 15-летней девочки. До того всё ею написанное проходило под знаком Пушкина. Была у Анечки эта, поражающая окружающих манера, азартного на-

вызывания самое себя течению жизни, она любила оставить путающий, сбивающий с толку след.

Сон... 1996, ноябрь. МС 2000. Анечка прискакала ко мне вся из себя сияющая: Я нашла, Тарасов! Я придумала, как вписать название в само стихотворение! – В смысле? Оно и так всегда вписано – отвечаю, не понимая... Первое слово тут недаром выделено болдом, это название стихотворения, так оформленных вещей ещё две: *Одежда рахат лукума* и *Он управляет города...* Но ей пришлось отказаться от новой тактики – уж больно не по-людски, решили общепринятые нормы, ну эти, как их там, вот память... Известен также другой вариант, в котором беспомощность с дивной тонкостью подчёркнута – 4-я строка читается так: *я прикоснусь на снеге и траве*. Но это – что касается нюансов *ars poetica*. А я о другом – раньше она скорее догадывалась, побаиваясь себе в этом признаться. А здесь перед нами стихи с наглядно выраженным мистическим содержанием, и загибами метафорики уже не отделаться, не объяснить. Сновидения и смерть – два царства, имеющие общие туннели. Доказывать это мне лень, да и кому? Карл джю Прель несомненно понял бы мой тезис и, полагая, согласился б (ещё лет так 130 назад), не говоря уже о древней публике... А описывала мне этот сон: Я коснулась твоей щеки, при этом точно зная, что я уже там, меня нет, я умерла. А ты стоял в снегу, в парке, ну здесь, в Ган-Сакере. – А когда это, Анечка? Через сколько? – Не скажу, т.е. скажу, конечно, так скоро, даже грустно становится, в 2000-м. – Хм, значит, будет снег. А про смерть – странная вещь, выходит – у неё со снами есть общее пространство! вот уж непонятно, трудно поверить как-то. На, пыхни, хули голову ломать. – Тарасов, блядь, тебе меня не жалко! – Ну, знаешь ли, давай поплачем вместе. Ты начинаешь... Поплакать не удалось, едва успев вынуть дымящийся косяк из губ, она закашлялась от смеха. Мы добились сигарету, я поинтересовался: Стой, но получается, что это я умру, смертный пот у меня ведь. – Нет. Там метаморфоза произошла, во сне. Я-то была уверена, что нахожусь на Чёрной речке во время дуэли, что вот вижу, как Пушкина ранили. Это после прошлого разговора, ты меня с такой лёгкостью убедил, я ведь считала всё это хуйня твои сеансы, да ещё с Пушкиным! – Убедил?! Я тебя разве убеждал? – Ну, я думала, что вся эта таинственная чушь с идиотскими аксессуарами – свеча, зеркало, тёмная комната – всё это поебень и... – Анечка, какая свеча? Суеверный бред, я же тебе говорил, средь бела дня запросто. Зеркало зачем-то, ахинея. – Ну да, так когда я это узнала, причём ты всё выдал с абсолютной невоз-

мутимостью, мол, проще чашки чая, я же не могу тебе не верить, у нас другие отношения... – Правильно, Анька, только чистоган. – Ты можешь помолчать, наконец! – А в чём дело? – Заткнись уже! Наш разговор меня озадачил. Я хотела Пушкина увидеть во сне, у меня своя техника. – А, после моих признаний ты стала ещё и сновидицей? – Я?! Я с пятнадцати лет такая, только не все ещё сны раскусила, как ты выражаешься. Но дай дорассказать, прошу ведь. – Хорошо. Значит, сон. – Да. Вот я и думала, что это всё на Чёрной речке, тогда я подлетаю к нему со смутной мыслью, не помню, помочь, посмотреть, не знаю, и вдруг это оказываешься ты, совсем живой, я страшно обрадовалась, и касаюсь ладонью твоей щеки. И тут до меня дошло – ты меня не видишь, я душа. Причём, я даже не испугалась, я поняла, что это не новость для тебя, давно известно о моей смерти, да и другим известно. – Каким другим? – Да всем. Вас было много. Птах был – вы станете друзьями, ваши знакомые – не знаю, кто такие – снеговика лепили. – Да ну, столько снега? – По колено почти. Деревья опять ломались, как уже было. – Было. Пять лет назад, перед рождением дочки. – Ага. Вот ты и напишешь обо всём этом... А через несколько месяцев (декабрь-январь) у неё появились строки, вряд ли у кого-то сохранившиеся, поэтому самое время привести:

*Я не вернусь в жестокий краткий мир
Скрип штор рубцы крахмального белья
Лыжня небес сулит мне вечный жир
Мне дела нет до происков жилья...*

Она уже многое знала. Да, не подумайте, что в последней строке этого катрена опечатка, отнюдь. *Лыжня небес сулит мне...* – ср. предпоследнюю строку *Полема*.

Элегия. 1997. СС №4/5.

Поет и плачет офицер... 1997. СС №4/5. Строка из этого стих. должна была пойти на надгробную плиту, но даже в этом, казалось бы, элементарном случае не всё сложилось удачно. Я долго надеялся, что имя поэта – Анна Горенко (а не Карпа) – украсит эту плиту. Заодно и с верной, исправленной цитатой. Прошло 14 лет, уже не надеюсь.

Штрихи. 1998, январь-апрель. Самое проблематичное из всех стих., включённых в МС 2000. Было написано А. в период первого увлечения

героином, что явно сказалось на слогe, и брошено на каком-то этапе. – Не знаю, как с ним поступить. – А в чём там дело? – Я уже использовала несколько строк из него в другой вещи, которую ты разыщешь. – Я разыщу?! Ну, и что в связи? – Сам знаешь что делать. – Ты с ума сошла, Анечка! Я хоть раз это видел? – Нет. Я его читала тебе... Здесь я вторгся. Это “дневниковые” наброски, поэтому – *Штрихи*. Во второй строфе оригинала А. вычеркнула строки 4-5, а я первые три, раз уж они использованы, причём – в выигрышном варианте (одна из них прижилась в прозе). Таким образом, строфа исчезла. Осталось десять (в данном случае строфой я считаю отделённое чертой, вне зависимости от количества строк, интервалов и пр.). Из первой строфы строки 3 и 5 тоже перекочевали в другое стих., но тут 4 строка хорошо их держит, значит, пусть остаются (см. *Я стал как бледный мебель деревянный...* и комментарий). *А под землей гуляет газ* – я слышал похожую «песенку», от торчков (чертей потенциальных). Из 6 строфы нашего издания выкорчеван также туповатый чернушный гон – потому что не её. Авторский голос сразу чище звучит.

Сон разросшийся куст... 1998, апрель. МС 2000. Написано чуть раньше *шведской датской лодки...* В обоих предыдущих изданиях моя трактовка строки *смотреть как белая клубится пустота*, скорее всего, ошибочна. Белизна у А. имеет позитивный окрас, связана с поэзией, как уже отмечалось. Здесь явно речь идёт о грёзах автора, *белая пустота* относится к разросшейся (до российских масштабов?) поэтической мечте, что бы там ни имелось в виду под последней, а не к джефу.

Джеф же к тому времени был “уволен в прошлое” (окончательно или нет – не столь важно). Наступил героиновый период, период **чёрного** “кайфа”, не **белого**, а это, как известно, не одно и то же. (Знатоки в этой области отказываются называть мерзотную израильскую смесь героином – можно ведь, говорят, и дрова колоть).

Мне удалось датировать (весьма приблизительно) все три стихотворения (это и два вокруг) в последний момент, когда корпус примечаний полностью оформился. Потому-то они и вклинились в стихи предыдущего года. В первую книгу *Сон разросшийся куст...*, как и следующую за ним *лодку*, А. не включила, оставив их на будущее, для *Города*.

шведская датская лодка... 1998, апрель. СС №9. Сядешь на иглу – не спасу, не сумею – предупреждал я её. А как бы вы поступили?.. Когда б вы знали, что таится за образами этого шедевра!.. Бабочки, их так много, садятся и... врастают. Некоторые, не желая выглядеть особо “дырявыми”, оставляли специальные иглы в коже, в смысле, в вене.

Иглы приклеивались, из-под заплаты торчало основание с крылышками, куда можно вставить шприц в любое время. Они-то и звались “бабочками”. *Исколотый миф!* Последние строки – комбинация инфернальной тропики и конкретных, обыденных для потребителя вещей: *гости с железом в руках* – варение джефа и винта (первитин) требует наличия всяких сковородок, ложек, джезов и пр. барахла. В квартире, где она снимала комнату в период написания стих., это вовсю практиковалось. В Иерусалим винт был завезён из Совка одним медиком (в прошлом) – парнем симпатичным и соображающим, жаль его – “винтарь” по убеждению, винтарей заносит подчас оглушительно. Спустя много лет, однако, ему удалось завязать с винтом, что в его случае казалось невозможным. Это он откачивал наркотов после передоза. Их было двое таких. Второй тоже медик, но “чернушник”, сегодня, к счастью, можно сказать бывший “чернушник”. Воскрешал людей. Но по другой методике. Молодой и презанятный прозаик Я.Пятигорский зафиксировал этот процесс в одном из рассказов, восхищённый отменной работой.

Довольствуясь первое время героиню, Анечка отметилась винтом позже, весной 98, хотя это не означает, что с меньшим восторгом от самого опыта, оценила сразу. Меня в первый раз бывший медик угостил слабеньким винтом, но и тот быстро меня протрезвил. Протрезвеешь, когда на тебя обрушивается каскад изумляющих (теперь особенно) подробностей, о чём не здесь. Следующие опыты – с тем же персонажем как раз – были просто ослепительны. В один из них я почти целиком написал вещь, посвящённую Анечке (“Памяти подруги”). В другой раз – сумел наконец-то сориентироваться в сумбуре её наследия, нарисовал (или как там это зовут – сделал?) картину (как бы между прочим, я не художник, это было совершенно неожиданно), затем ещё одну. Представьте, на минуточку, 65 часов без сна! Впрочем, злоупотреблять первитином даже врагу не пожелаю. А всем потенциальным экспериментаторам шепну на всякий случай: физические нагрузки под винтом навсегда исключить из моциона (если вы только не лётчик Вермахта). Однажды я палец вывихнул, моя посуда под винтом. Причём, надолго, на год, а то и полтора, вправлял и так, и эдак – не получается!.. Прав был Пригов. Свободу, е-понский блох, с посудой спутать! Это же додуматься!.. См. также примечания к *Голему, Северьюгу, За шесть или семь – не тонких – стен...*

Песни мертвых детей. 1997. СС №2, 1998. Основа последней и лучшей из прижизненных журнальных подборок.

1. *Ты деревянная дева...* 1997. Ранее было посвящено Анне Краснянской, близкой подруге. Во время подготовки публикации посвящение было снято автором – и впрямь, при таком названии цикла сам факт посвящения – чудовищная двусмысленность.

2. *Голем.* 1996-7. Восьмая строка *а в рыбьем горле цифра с коготком* едва ли не первый конкретный намёк на дату ухода, – я сразу увидел четвёрку, хотя это и не аргумент, а рыболовный крючок скорее напоминает девятку.

Написано после нашей очередной размолвки. Стыдно признаться, но Голем – это в мой адрес, я оставался глух к её мольбам. Через полгода ситуация, однако, изменилась. А спустя ещё полгода я уже был не в состоянии более сопротивляться её гиперэмоциональной осаде, сдался. Поставив при этом условие: категорическая завязка с героином, с иглой вообще. – А что, и джеф тоже нельзя? – Я ваш джеф на дух не выношу, вы все воняете от него. – Да, есть такое. А винт? – продолжала неумная Анечка. – Послушай, я же сказал, никакой иглы. – Хорошо, мы будем пить его. – Винт пьют? – Кто как, можно и пить, с содой вроде бы. – А что в нём, собственно, необыкновенного? – спросил я, не подозревая о фантастических свойствах первитина. – Ну, мы идём туда, сейчас узнаешь. А вы, кстати, алкаши проклятые, от вас несёт не лучше. – Врёшь, если опохмеляться пивом, то да, гнусный запах. Но я готов договориться с тобой – у нас в доме: трава, асид, винт, допустим, если и впрямь мне понравится, бренди изредка, вино, но ни героина, ни джефа, ни пива. – А транки? – не могла утомиться она. – Тебе необходима эта дрянь? – На самом деле я их не люблю. Знаешь, я даже побаиваюсь вместе жить, не могу, не пишется при тебе, только когда ты спишь, а если ты рядом что-то делаешь, не важно что – не могу. Ступор какой-то. – Значит, будешь читать. Селина до сих пор не открыла, позорница... Так мы торговались с нею. Смешно сказать – во время дикого многонедельного загула в конце 98-го. Завязать ей не удавалось. Как водится, она откладывала этот шаг, что было предметом наших постоянных, порой очень резких распрей. Помню, чуть ли не выкрикивала мне в лицо стихотворение *Тело за мною ходило тело*, написанное после одной из таких, когда я её выгнал, услышав: Ты мне сто лет не нужен! Мне нужен героин!.. Проблема становилась острее с каждым днём, я не мог это контролировать, как ломки снимать – не понимал, хотя, казалось бы, догадаться проще простого. Удалось ей справиться с собой только после Нового года. В один из дней этого обоюдного “веселья” возникла достаточно издевательская эпиграмма, пущенная в меня:

*Поэт поел со мною вместе
примерно шекелей на двести
Не мог он ямба от хорея
как я ни билась оторвать
и я пошла с другим евреем
а он в гостях остался спать.*

3. *В моем саду деревянном саду...* 1997. В журнальной публикации ряд моментов сбивал с толку, у нас выправлена строфика и пунктуация по последнему рукописному оригиналу от декабря 98. Между 4-й и 5-й строками пробел был неправилен (это кому-нибудь на будущее) и вводил в заблуждение: что к чему относится? Я убрал его. Восклицательный знак в начале 12-й строки – по замыслу А. – интонационный ключ, подсказка читателю.

4. *цветы...* 1997. Как и в предыдущем стихотворении, здесь подправлена строфика (по распечатке книги). Джеф бил по её *неодетой коже* очень круто, вдаваться не хочу – она “цвела”.

Северьюг. 1997. СС №2. В журнальном варианте 3-я с конца строка читалась *странствуя одна в изобилии дареных нег*. Исправление на *в наваждении дареных нег* внесено А. позже, когда готовила книгу. Могу показать.

Две первых из выделенных курсивом строчки – отсылка в недалёкое прошлое, она точно воссоздаёт общественную атмосферу в стране отроческой поры А. – атмосферу гласности, буквально потрясшей основы утопающего во лжи советского режима. Строки *и я лицом в чужие вещи / от удивления визжит* (только не падайте, пожалуйста, *визжать от удивления* автору, отлично знакомому с русской классикой и легко вправляющему в свои стихи лермонтовские строки, нет нужды, тем паче – в эпоху постмодерна!) – имеется в виду совершенно невероятное, однако, факт: Анечка видела во снах мои стихи, которые будут написаны после её смерти. Более того – цитировала из них строки, которые я, разумеется, забыл – что запоминать, раз их не существовало к тому времени (а в мае 99 был потрясён точностью её рассказов: не только цитированное ею всплыло, другие детали тоже, и что совсем ошеломляет – продолжает всплывать до сих пор, к примеру, стихи из «Пятерни» назывались! том «Три в одной!»).

Всё это она выдала мне в декабре 98, в день, когда винтанулся впервые. Потом, уверенная, будто отходняк обязан быть параноидальным (что чепуха, в общем-то), она убедила меня сняться с винта героин-

ном – отвратная привычка, из принятых среди наркотов (“качели”, называлось в Москве). Но это к утру уже. А ночью мы болтались по городу, тогда-то фантастические подробности и выяснялись. Мало того, что она видела собственную смерть, похороны, публикацию в “Окнах”, знала дату. Она рассказала мне об “Эльбрусе” (см. “Антологию Двоеточия” или мою книгу “Догадаться до души”), что просто до меня не доходило – какой к чёрту Эльбрус? о чём ты? – и между делом сказала, что там же будет некое стихотворение под названием “Описание”. Всё, говорит, понимаю, всё, что ты сделал, но каким образом тебя утормозило написать эту вещь – просто не врубаюсь. – Послушай, милая, а ты не загибаешь? Ты видела в своих снах мои вещи, написанные после твоей смерти?! – Я считала тебя умнее, Тарасов, ты не понял? я тебе не вру никогда, мы можем ссориться, но врать я тебе не могу, неужто ты до сих пор не понял?! – Да, Анечка, да, кажется, знаю. Но как такое может быть? – Факт! Может. Ты же поклонник Кастанеды и этого чеха, как там его, тебе лучше знать. Ещё оценишь моё благородство, я ведь могла у тебя воровать направо и налево. – Ха, устыдилась? – Отнюдь. Я просто тебя люблю. И не хочу тебя терять. Я же знаю, какой ты психопат, помню нашу ссору, строчку не дал украсть, идиот. – Я идиот? Что б ты без этого идиота делала? – Ну вот, опять завёлся, пластинка. – Вот-ты... подлая, настырная сука. – Ну почему так всё, Тарасов, умоляю, мы же любим друг друга! Хорошо, я! не ты, я люблю тебя, пойми ты, ну пожалуйста, остынь!.. В единицу времени она успевала выдохнуть в десять раз больше слов, чем любой другой...

Но вернёмся к композиции *Северьюг*, одной из программных вещей Анны Горенко. Отказ от постмодернистского письма, базирующегося на цитатах, фиксируется Анечкой в 2 строчках 3-й строфы: *нет я не сможет возвратиться / в заветный край простых цитат*. Надо при этом понимать, что постмодернизм как таковой, в годы позднего творчества А.Горенко чуть ли не у всех на устах был, им клялись окололитературные дамы, редакторы буржуазных по стилю российских глянцевого журналов, литературоведы и сами поэты, не очень вникая в суть постмодернизма; главное было не отставать от времени. Типичная постперестроечная горячка: наверстать упущенное, пускай не самыми праведными средствами, но наверстать! Постмодернизм элементарно путали с концептуализмом, а то и соц-артом, не краснея, причисляли к постмодернизму (и концептуализму заодно) любого мало-мальски известного ирониста, сатира становилась постмодернистским приёмом ни с того ни с сего, историко-литературная

деконструкция – тем более туды её (хоть бы вспомнили для приличия Алексея Константиновича Толстого или «город Глупов» Салтыкова-Щедрина!), весь этот бардак в мыслях до сих пор продолжается. Нынешний литературовед зачастую готов на натяжки любого сорта, лишь бы приплести к своей концепции ту или иную фигуру (так солидной, с животом неуловимых аллюзий! а живот, известное дело, в салон вплывает первым, за ним – ноги).

В 1-й строке 4-й строфы находим цитату из «Евгения Онегина». Она подчёркивает отказ от одного из «раёв». «Рай» в композиции *Северьюг* состоит из двух слипающихся. На то указывает и название. Один – былой, северный (российский), где *мы* удачно увернулись и от *медной иглы* Адмиралтейства, замусоленной имперской эстетикой постакеимстского разлива, как рубль в почерневших руках бомжа, и от *торговли*, холера каковой охватила многомиллионные прослойки обнищавшего населения (возможно, под *торговлей* зашифрован у А. дискурс русского «несчастливого» сознания, традиционно набивающего себе цену высосанной из пальца «безысходностью»), и от *воли слепой* беспредела и обмана, заполонивших огромные пространства разваливающейся империи (вряд ли под *волей слепой* подразумевался тоталитарный строй). Второй же «рай» – настоящий, настоящим временем подтверждённый, южный, где героиня (автор) странствует *одна в наваждении дареных нег* (см. последнюю строфу).

Предпоследняя строфа композиции, выделенная курсивом, – перевод из Йоны Волах. Й. Волах – яркий поэт. Поначалу её стихи шокировали израильтян своей откровенностью. Сегодня Йона Волах в каком-то смысле миф, наряду с Давидом Авиданом. Она стяжала славу и пользовалась пристальным вниманием прессы. Все знали, что у неё рак, все знали, что она умирает, все знали, что – вот-вот. Умерла она, не дотянув и до пятидесяти. Была очень красива. На русский её переводили мало (до недавних пор). Несколько стих. перевёл Савелий Гринберг. А. Горенко отнеслась отрицательно к этим переводам, но сама успела сделать только один (да и то не понятно, насколько он перевод). См. *Из Йоны Волах* и комментарий. И ещё: А. утверждала, что нашла сестру не в русской, а как раз в израильской поэзии.

Лермонтовская одинокость и его грёзы о «райском» юге (к примеру, *Листок* или взятое напрокат у Гейне *На севере диком*), а композиция *Северьюг* буквально переполнена хрестоматийными аллюзиями, здесь как бы воплощаются – А. отдаёт предпочтение югу, но и фиксирует собственную одинокость. О чём всё тот же Лермонтов не забывает напомнить читателю (и почитательницам, особенно) в поздний период очень часто. Ушла

А. от нас, напомню, в лермонтовском возрасте. И – на далёком юге, как Лермонтов. Впрочем, это ещё не всё. В южном раю среди статуй одетых под снег... – предпочтение отдаётся не просто югу, а, в контексте неоднократно сказанного о белизне и её коннотациях в поэтике «ранней» Анечки, эстетике южного рая и его поэзии! А это, в свою очередь, упраздняет актуальность т.н. «петербургской» темы акмеистского толка в поэзии А.Горенко. Да и имперскость «северного рая» подана поэтом с нескрываемым отвращением: *смадная нетрудная красота, коростосный клюв грифонов, слизь и бронзовый пот.*

Белая пыльная малина... 1997. СС №4/5. Это была пора стремительного роста. Написано в Ашдоде. В книжном варианте предполагалась правка в 26 строке, вместо *и некночи феминистки – и некоторые феминистки*. Но мне, не к ночи будет сказано, феминистки в первой версии больше по душе.

Здесь придётся совершить небольшую петлю в пунктирном повествовании. Лето 1997 запомнилось особенно одним днём. Своеобразным подарком Анечки. Нам обоим, по сути. В половине последней декады августа. Выглядел я как голодранец. Таковым и являясь, впрочем. Едва майка да шорты обтрёпанные (*sewn with scissors*), что и требуется в Эйн-Геди. Сумка какая-то через плечо, по привычке. А она заранее всё обдумала, сандалии прихватила удобные, купальник, шампунь, полотенце. Ей недолго пришлось уговаривать меня смотаться, недалеко ведь. Провели великолепный день. Уже на территории заповедника, не доходя до начала маршрута, всеми туристами истоптанного, я свернул резко налево, предупредив Анечку, что в групповом паломничестве к водопаду мы не участвуем. Быстро достигнув русла вытекающего ручья, змейкою едва извивающегося в песке, постепенно – вот там, метров надцать отсюда, смотри! – исчезая, против течения мы пошли, вверх. Чем дальше – тем он полноводней. Чем выше – тем оно ошутимей. Анечка, ну что ты всё время о Мандельштаме, больше нет никого, всех отменили?.. Слаще других, говорит (хм! именно слаще!). Скоро из каменных стен обрывистого берега засочится чистейшая, профильтрованная породой родниковая вода, мы всё ближе к царственному источнику, всё сильнее и сильнее она бьёт из трещин в скалах. Пять минут ещё – и места, где можно стоять, словно под душем. Невыносимой жары как не бывало. Блаженство. Ей, истой горожанке, эта знойная прогулка, казалось, будет утомительной, к тому же А. была после одной операции, и перед другой, насколько я понимаю. По мере углубления в ущелье русло становится шире, не

ручей отнюдь – речка. Добрались мы водою вброд, борясь то и дело с течением, почти до водопада, – а там уже и не речка совсем, там река вовсю, живая, сильная, с ног валит, не по колено вам – тут по пояс. Ещё метров пятьдесят, за скалой, давай руку... Но дойти всё-таки не смогли – доорались до нас дурным хором туристы, проводник их вожатый-экскурсовод сказал: тютя (Прям так и сказал? – Нет, не так прям, обиняками. – А обиняк на иврите это что? – Издеваешься, дорогая, нашла кого спросить. – Обиняк он и в Азии туз, дурак. Ха-ха-ха, извини, это не я, это рифма...). Выгнали нас из заповедника, рано его закрывают... Анечке очень понравилось. Нам обоим, по сути.

она спит Усневай... 1997. СС №4/5. Как и предыдущее, в Ашдоде сделано. Я вновь и вновь шокирован этим стихотворением. Сражён! Прочитавший комментарии внимательно, поймёт о каком “сне” здесь речь. *Она спит на шести языках*, видимо, значит, что эти стихи А.Горенко будут переведены на шесть языков. На сегодня, кроме как на английский и иврит, переводов, вроде бы, нет. Правда, мне напоминает смутно какой-то разговор о переводе двух или трёх её вещей на немецкий, кем? когда? где? да и так ли это? – туман, не помню. Вторым курсивом выделена цитата из Хези Лэскили. Х.Л. – израильский поэт, безусловно, одно из самых интересных явлений 80-ых – начала 90-ых годов. В условиях антикнижного климата, в стране, где представления о поэзии у подавляющего большинства примерно такие же, какие у обывателя о делении клетки, Хези Лэскили выделялся своим артистизмом (когда местный автор читает стихи, частенько ловишь себя на мысли, что это проза, причём – проза плохая), откровенно модернистской поэтикой и кругом интересов, неуживчивым характером и нескрываемой «голубизной». Его не ценили здесь. Точнее, ценили очень немногие. На русский было переведено несколько его стихов и поэм Г.-Д. Зингер (см. публикации в “Двоеточии” и “Зеркале”). Затем стало известно, что ошутимое влияние на Х.Л. оказало творчество некоего голландского поэта. Однако, вникнув со временем, вдруг выясняя интересные вещи: эти его голландские поэты – частично выдумка, изящная мистификация. За исключением одного или двоих. Умер Хези Лэскили, успев выпустить четыре книги стихов, в возрасте 42 лет. От СПИДа. Первая из выделенных курсивом строка – прямая цитата из Давида Авидана. На русский Д.А. много переводил Савелий Гринберг, книгу “Криптограмм” уже не найти – редкость, но есть и новая, более полная, его же, т.е. их же. Томик изрядный. А вот дивная история, от которой хохотали все Анькины друзья.

Женя Сошкин, редактор “Солнечного сплетения”, человек до спазма дипломатичный. Вот неудобно ему было опубликовать стихотворение в таком виде, – зачем задевать Дану? Понятное дело: лишний раз портить отношения! к чему? Стало быть, на дворе декабрь 98, просыпаемся – абсолютно ни гроша, прогуляли всё до копейки, похмелье жуткое, жратвы никакой, и только эта гнусь – героин – тоже чуть-чуть. Анечка говорит: Жди. Сейчас будут бабки. – Куда это тебя несёт? – К Сошкину, – отвечает. – Ты что, грабить его собираешься? – спрашиваю, совершенно больной от кошмарной гулянки. – Не твоё дело – говорит, – и вообще: отъебись, тебя же спасаю! Ладно. Жду. Возвращается на удивление скоро, проснуться не успел. Счастливая. – У нас есть двести шекелей, т.е. не двести, пока только сто! – М-м, купи кофе и пива, а то помру – выдавливаю из себя, – потом расскажешь. – Ну да, бегать ещё куда-то, одевайся, на улице в себя придёшь, там хорошо. Окей. Умылся, кое-как ожил. – Ну, что ты вытворила? – Не поверишь – отвечает моя любимица, – Сошкин предложил правку, помнишь это, где “зловещий зад Даны Зингер”? – Помню. – Теперь будет “зловещий сад Даны Зингер”. – Ишь ты, тонко! – Я и согласилась. За двести шекелей – продолжает она со смехом. – Даже расписку ему дала, весёлая расписка – увидишь. Правда, двухсот у него не было, но стольник хотя бы. Чего хочешь, говори, свою шварму небось? – Пива, срочно пива. И шварму, но пива сначала. – Идём, а то помрёшь раньше меня, что ж я буду делать!.. Восхитительно живая!.. Стихотворение было опубликовано посмертно.

За шесть или семь... 1998, май-август. СС №9. Поначалу А. включила эту вещь в состав книги. Но передумала. На обратной стороне одной из распечаток стихотворения сохранился набросок предполагаемой обложки: ангел, держащий в руках мёртвого ребёнка (навязчивая идея Анечки, увы, не случайно). Но тут я забегаю вперёд, ниже нам ещё предстоит к этой теме вернуться.

В стих., среди прочего, описан винтовой опыт, возможно даже вплоть до деталей физиологических неудобств, с голодухи-то (*подводная сварка трубы и винта*). Но не это главное, недаром винт и винтовая атрибутика появляются во второй половине. *Подземными числами* Анечки – их два основных – были четвёрка и девятка, причём в любом наборе тьма: 4-99, 44-99, 4-999. В том же декабре она сказала мне, что “уйдёт” четвёртого числа, но ей хотелось верить – девятого месяца. Когда я попытался разобраться, откуда и как, А. объяснила – 4 и 9 означают число, месяц и год, но год-то, говорит, ясен, а месяц – может

быть сентябрь. Промахнулась – месяц тоже четвёртым оказался. Третье число – единица – не основное, так сказать, естественное, в понимании А. (Если угодно, ещё одна деталь: Твои – сказала мне Анечка, – одиннадцать и двадцать, тогда уйдёшь. Добавив, в какой срок. Затем дважды поправила себя относительно срока – путаница у неё в голове под героином была чудовищной, элементарные операции сложения или вычитания становились проблематичными, что сбило меня с толку напрочь. И тут же повторила несколько раз: Я только два твоих числа сказала, запомни, только два!.. Я об этом забыл, потому был уверен, что речь идёт о 20.11.2011. Но в этой дате лишь два числа, нет третьего. Более того, думал: в её стихах вычитал, как это произойдёт, но поживём – увидим). *Метро*, кстати, в этой композиции – далеко не метро, это царство Аида. *Кино* – сновидения, и теперь уже понятно: *За шесть или семь или восемь сытых погодой лет / Метро и кино успели слиться в одно*. Причина, по которой первая часть заканчивается серафимом, таким образом, выявлена (лишний раз это доказывает пунктирная аллюзия на пушкинского “Пророка” – стихи-то предрекающие, о чём ниже). Далее – резкий строфический сбив функционален: это не просто начало второй части, а обозначение перепада в другую тему. *О городе я напому*: это не просто название второй книги, а обобщённый образ – метафора творческого самоутверждения А., поэтому он *родной*, по той же причине автор сомневается, *поверю ли* в него. Ведь *победа не предрешена*. *С иглой*, полагаю, всё понятно. Необходимо ли упомянуть Адмиралтейство при этом? Ну да, засиженный лэйбл Петербурга. Анечкино «*петербурга*» тоже, т.е. – поля авторского свершения, но по другой причине. По замыслу, вторая книга должна была стать, помимо введения в нюансы феноменального сно- и ясновидческого опыта, путеводителем по аду наркомана. Обращаю ваше внимание: *метро и кино – у них в синтезаторе* – трубы от винта, который, – *нет*. Тем не менее, метро и кино должны были стать узловыми метафорами второй книги, метафорами с двойным дном: *метро* – вена подмышкой, а *кино* – глюки. В связи с этим, при всём моём уважении к деликатной Евгении Вежлян, *игла* здесь не имеет отношения к реальному СПб акмеистов и пост-. Начало же этой композиции абсолютно по ту сторону, интуиция сработала безотказно!

Здесь надо чуть-чуть отвлечься – ясность видения и расшифровка виденного разные вещи, это главная проблема, с которой сталкиваются как апологеты мистицизма, так и скептики. Для последних ошибка в трактовке – автоматически предлог для обвинения всех и вся в шарлатанстве, а первым, к сожалению, зачастую не хватает духа признать вероятность ошибочного прочтения. Анечка, как я уже

говорила, надеялась дописать вторую книгу к осени 99. Она в прятки играла, откатывая дату своего ухода (по крайней мере, так было сказано однажды) до сентября. Однако звук водил пером и диктовал перу иначе: *За шесть или семь – не тонких – стен* – это за шесть-семь месяцев до своей смерти. Завершала она эту вещь (внесла последние правки, точнее, разделила на четыре главки, так и не заполнив зияния отточий гипотетическими строчками) в конце августа, хотя предыдущие правки этой вещи относятся к 20 мая. Первым на майскую дату указал Е.Сошкин, я просмотрел, готовя МС. (Кстати, у меня есть и более ранний вариант, в котором ставшая второй во второй главке строфа, была ещё разделена на две строфы, и позже замазанные типексом строчки, сохранились). И уже в мае не упустила из виду, что написанное соотносится конкретно с августом, поскольку – и это не аберрация памяти – намеревалась эти стихи доработать к 26-му авг. и преподнести их мне. Это ещё не всё: в первом варианте вторая строка читалась *От меня за шесть или семь люблю восемнадцать стен*. Ах, какой нежный скрытый привет за *восемнадцать стен* – за 18 месяцев, отделявших финальный этап работы над этой композицией от конца февраля – начала марта 2000 года, т.е. от дней, когда я заканчивал корпус комментариев к её «Малому собранию»!.. Хотела тебя одарить на день рождения, тем самым думала наконец-то расстаться с тобой, совсем, навсегда – рассказывала она, приехав осенью после изнуряющих недель, проведённых около Д.С. (о нём дальше), который залетел в больницу с опасным диагнозом. – Но потом испугалась, что расстаться в нашем случае означает смерть, я-то знаю. Не могу же я тебя убить, т.е. иногда могу... – И хочется? – Ещё как! Но ведь не в день рождения, хоть и четвёрки!.. А если уж на то пошло – это программные стихи, много весят, как-то жалко стало. Всё тебе да тебе, не много ли чести! Но тогда другая вещь, маленькая, высвободилась (в твоей терминологии). Лёгкая и очень милая, из неё лисёнок проглядывает. Потом прочту, лучше вообрази меня лисёнком... А я и половины из сказанного ею не улавливаю (теперь-то понятно: разговор был о моём 44-летию – опять та же цифирь! – две четвёрки, но “ещё не разъяты”). – Какие четвёрки? Что ты пудришь мозги! Послушай, милая, привези, наконец, книгу. Хоть со стаей лис, но привези! Я как слепой, ты мне об оттенках, а я о цвете только понаслышке. Между прочим, летом в своё “расстаться” ты вкладывала другой смысл. Как прикажешь понимать? – Ну и что, нельзя уже было передумать? Столько лет всё продолжается! Да и вообще, твои же слова что я слишком эксцентрична. – Вот как? В смысле, через два

месяца амплитуда сократится до двух дней, сегодня – да, завтра – нет? – Именно так и будет – отвечает она, улыбаясь, – зато мы чудно проведём время... Всё так и было. Один в один.

С акцентом на губное “ц”... 1998, август. СС №6. Стихи те самые как раз, высвободившиеся, на день рождения покорному слуге. Трудно отрицать, по лисьи ласковые, с изобретательной хитринкой. Стихотворение это – так порою мне видится – является репликой на моё “Разнопёрая ясность касания...” из композиции “Чувство пятна”. А “ц” и “с” – ну, догадайся первый... Строки 9-10 – очевидная аллюзия на того самого Мандельштама, который нынче, вроде как, правилен, а живость, непосредственность восприятия в первой мандельштамовской строке “устаревшей версии” утеряна, потускнела строчка с привнесением в причастный её оборот прошедшего времени. Вот так doskonaльная «научность» придушила «недокональную» живость.

Из Йоны Волах. 1998, май. СС №4/5. А. не устраивала десятая строка. Исправь, сказала. Я пожал морщинами плеч – что исправлять, если и в глаза не видел? В книге, тем не менее, она оставила намёк, подчеркнув “в течение”. Мол, увидишь – вспомнишь. Вспомнить-то вспомнил, а оригинала нет. Обратился к Ронену Сонису. И на тебе, совсем занятное он поведал. Оказывается, это не перевод конкретного стихотворения. Здесь из четырёх (если не пяти) разных стихов Й.В. слиты мотивы. Но основа, и впрямь, “Острова жизни” из Й.В. А строчку я выудил кое-как, нашёл замену, в других же изданиях вышел журн. вариант. Правда вариант, предложенный ранее в МС, меня всё-таки не устраивает – сейчас, наконец, до-расслышал.

Ниже привожу отрывок из стихотворения 60-х гг., надо думать, знакового Йоне Волах (Яир Хурвиц, пер. Зои Копельман):

*Вот острова, и ангелы на них, и свет
в цветах распахнут, словно очи, они идут
бесплотно, нежно, плывут
по водам, исчезают, и только сердце вымыслом живет и ревностью
к тем ангелам на островах, на островах...*

В ивритской поэзии тема островов любви возникает ещё раньше, у Бялика в 1902 году (перевод Амари, он же М.О.Цетлин): *Затеряются в высях, как две быстрых голубки, / Но в пустыне безбрежной / Острова заалеют – и воздушны, и хрупки / Души спустятся нежно...* На этот

букет подробностей есть смысл обратить внимание. И ещё: *острова* имеют двойственную семантическую нагрузку, ведь у А. явен контраст: «*остров белых жемчугов*» и «*остров чёрных жемчугов*».

Ловил себя и был уличен... 1998, лето. СС №4/5. Строфика выправлена согласно авторским пометкам. *PhD моральных наук* – парафраза из Йоны Волах. Хотя чего я, комментируйте сами. Только не все сразу.

Всё Божье небо в позументах... 1998, сентябрь. СС №6. Эти стихи являются своеобразным пиком поэтики оплакивания Анны Горенко. Если в предыдущем стих. высказывание на грани эмоционального срыва, то здесь мы наблюдаем убедительнейший по своей артистичности жест самооплакивания, слова которого вложены в чужие, по контексту ангельские, уста. Поэтика оплакивания А. культивировалась исподволь. Она не охала, не призывала “*всем страдать со мной*”, не торговала, подвывая, беспомощностью, как это принято, подчас, у любителей причитаний. Она взывала в стихах (в частности, ко мне), не размазывая при этом соплей. Если приглядеться, мы без труда обнаружим в её наследии (их долго перечислять, начиная с *маленького японца в кипятке*, пожалуй) образцы оплакивания любви, оплакивания жизни, оплакивания *города*, которому не суждено быть долепленным в слове.

В МС 2000 и Сочинениях 2010 напечатан вариант чуть отличающийся, вторая строка там читается *И чином ангельским луна*. На последнем публичном чтении за три недели до “разрыва” с жизнью Анечка прочла эти стихи, неожиданно заменив *гусара* на *чин*. После чего между нами произошёл короткий разговор. Привожу не комментируя: Решишь сам как лучше. – Ну-у, мы же договорились, что ты приедешь со всей книгой, вот и решим – отвечаю, ни о чём не подозревая. – А если я не успею? – возражает она. – Что значит, не успеешь? Ты что, намыливаешься куда-то? – Кажется, да. – Далеко ли? – Дальше, чем ты предполагаешь, – говорит она мне со своей всегдаиграющей на губах улыбкой. – Слушай, не пизди, я устал от твоей постоянной лапши, – и оборвал беседу... Она таки ушла. Дальше, чем я предполагал. Кстати, стихотворение было ею написано во время трипа (LSD), да-да, бывает и такое. И хорошо, лучше, чем, если б не бывало.

Видишь солнца алчный ноготь... 1998, август-сентябрь. СС №9.

Не тихой бедности... 1998. Антология “Двоеточия”. Написано в конце

ноября/начале декабря 1998 г. К тому времени её отношения со смертью приняли чуть ли не сладострастный характер, она заказывала сны на эту тему: хотелось досмотреть что тогда-то будет, что потом, что я напишу о ней (можете считать меня сумасшедшим, мне наплевать. А те, кто всё-таки не держит меня за такового, могут убедить-ся, что заявка сделана в своём уме, ещё раз перечитав *Не правда ли ты хорошо помнишь...*). Апеллировать к Мандельштаму всякий раз – дело неблагодарное. Ну, переключается вторая строчка с ОМ («Да, я лежу в земле, губами шевеля»), ну и что? Ст-ние становится хуже? лучше? теряет самостоятельность, интонацию? или же имеется в виду, что все мои свидетельства – ложь?.. У некоторых крыш ограды выски – вид с моего балкона. Проснулась, я вырублен, а она очень довольна тем фактом, что наконец-то видела во сне день своих похорон. (Жарко будет, праздник какой-то, вы приедете на них с севера. – Мы? Это кто, мы? – Ты с братом.) Сварила себе кофе, закурила, а на улице – дивное утро. Написала стихи. Когда я встал, была необыкновенно мила, спокойна, ни тени меланхолии на лице. Я даже подумал: смотри-ка, может и впрямь на этот раз вдруг всё обернётся как надо. Сел себе за «Фрагменты», она набросилась на «Аду». – Плохой перевод, Анечка, и сколько можно Набокова? – Не-не, у меня свои дела, оставь. – С чем, с «Адой»? – Почти попал, с адом. Не трогай меня... Загадочно прозвучали эти слова. Штиль перед штормом. Эти восемь строчек в тот день Анечка так и не зачитала мне, щадила, что ли? ведь в них она прощается с жизнью.

Твой мякотький рот... 1998, август-сентябрь. Текст существует в трёх версиях. Я привожу проверенную, с выправленной пунктуацией версию МС, она мне больше нравится. Она женственнее и потому точнее варианта известного по двум другим книгам А.Г., вышедшим впоследствии. Есть у меня в папке АНЕЧКА и рукописный автограф, близкий к тому на который опирался Сошкин. Разночтение с ним следующее, 3-я строка 2-й строфы в других изданиях читается: *Ты стал моим словом (пускай отдающим в стон)*. Источник моей версии – компьютерная вёрстка автора, с проставленными от руки точками в двух (из трёх случаев) «ё», их я не стал воспроизводить. Теперь об адресате. Денис Соловьёв-Фридман. За два года постоянного употребления героина он превратился из интеллигентного и образованного человека в патологического лжеца, втирающегося в доверие обманщика (родное свойство всякой мрази) и мелкого вора, который целиком подчинён воле чёрного убийцы – героина, – и не в силах противостоять ей. Те люди, у кого он вписывался неделями и

месяцами, отзывались о нём ещё хуже. Ложь и обман у этого персонажа сидят в крови, воровство – тоже, по их словам: наркотики здесь ни при чём, не надо рассказывать байки, все мы пробовали и знаем, что к чему, – уже через два месяца после знакомства с ним, они убедились на своей шкуре, насколько низок этот тип.

Летом Анечка завела с Д.С-м чумовой роман, проходивший под знаком опиата с винтом. Помимо этого стих., непосредственно Д.С-у посвящено, может быть, ещё одно – *Видишь солнца алчный ноготь...*, в чём я сильно сомневаюсь с некоторых пор. Но оставила она этого “тонкого страдальца”, который тянул за собой на дно кого ни попадая (в основном женщин, а сам в итоге выплыл), достаточно скоро, понимая, что до добра их связь не доведёт, – несмотря на опаснейший абсцесс в лёгком и затяжное пребывание в больнице, Д.С. не пожелал слезать с иглы, и использовал каждый удобный момент ширнуться... И тем не менее, их роковая связь возобновилась во второй половине марта, к тому времени Анечка завязала, ходила чистой более двух месяцев. Он ей навешал лапши, дескать, завязывает. И вдруг: ей приходится ухаживать за бедняжкой, плюясь от его объяснений в любви, – он мог только болтать, что прекратил, всё, бросил, но каждый раз не выдерживал, срывался. Эта неестественная и бездарная ситуация привела к тому, что продержавшись почти три месяца без героина (казалось бы, справилась уже!), – а тут как раз я на неё на днях наорал за бестактность и нахальную бесцеремонность, – да и помимо того поводов было у неё предостаточно с любой из “семейных” сторон, и вообще, она прекрасно была осведомлена на что идёт! – Анечка поддалась искушению. Д.С. очередной раз не вынес мрака абстиненции, сломался. В доме опять появился героин. Зато близкая её подруга в это время гостила у них, подстрахует, если что (осколки безотрадного авось)... Зная, что ей НЕЛЬЗЯ себе этого позволять, Анечка всё же решила доиграть свою роль. Результат своеволия хорошо известен: не откачали – из-за астмы, может быть, или тромбов (лекарство не проникало). Мало того, что этот “специалист” сварил ей очень густую дозу (со слов очевидицы), перекилив лимонной кислотой сверх меры (от чего образуется тромбоз), так он даже не пытался откачать А. (само пройдёт, мол). Подружка пыталась, но она не владеет техникой, не сумела. Амбуланс этот подонок отказался вызывать (ведь само пройдёт, чего уж!). Остаётся добавить, что случаев полнейшего безразличия к судьбе “отъезжающих” на тот свет по его вине от передоза, на совести у Д.С. как минимум ещё три. Во всех трёх он и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то помочь. Редкая падаль!

По счастью, те женщины были спасены. Известно даже кем. Между прочим, на похороны А. этот почитатель Адорно и Флоренского не явился. Ширился остатками герояина – важное дело, какие могут быть похороны! А я думаю, что не пришёл он только потому, что боялся попасть после всего в больницу, измудохали бы его там за милую душу. Многим успел показать себя.

Поначалу у меня возникло зыбкое ощущение, что со стороны А. это было выходкой, азартной попыткой проскользнуть в ушко (в её стиле), а заодно уже – ей очень сильно хотелось (и я такое слышал от неё) разувериться, наконец, в истинности сведений поставляемых сновидениями. Ведь это безумие – путешествовать в тех местах годами! Но теперь я вижу её жизнь в ином свете. Ей этот Поступок предназначался. Она его выбрала, до конца прочувствовав все изгибы и завитки разворачивающейся драмы, и принесла себя в жертву мифу, придав этой драме трагический окрас. Кульминационный момент, фатальный финал, не вызывал более сомнений. Кстати, когда “выходы” во снах на тот свет начались, она пошла к гадалке (ещё в Совке), та ей: через двенадцать лет умрёшь. Ей было пятнадцать. Тогда же, видимо, и были записаны стихи, которые я приводил выше: *Я буду спать в сапогах в раю...*

А вот Д.С. этот, обокравший, так или иначе, всех, у кого проживал, приобрёл постепенную известность. Даже выступал (под двойной фамилией). На вечерах “Зеркала”. Щебеча о философии с музыкой. Певун. Теперь же он пудрит мозги российскому читателю своей близостью к А. Причём, продолжая врать, как шайтан на исповеди, по привычке. Он провёл с нею меньше полутора лет минимум вдвое, что бы ему ни казалось. И, вопреки его утверждениям, А. была в Ленинграде неоднократно, училась в школе, прожила там около двух лет в общей сложности. У него остались известные Анечкины тексты, немного, что указывает на недолгую его близость с А., несколько автографов, в том числе. Я видел их мельком, после её смерти. Чем-то он тогда ещё поделился, тремя, по-моему, автографами двух стихотворений. Этого (оба варианта) и, по настоянию А., как сам признался, автографом *Видишь солнца алчный ноготь...* Поэтому я не уверен, что *Видишь солнца алчный ноготь...* посвящено ему: почему Анечка оригинал ст-ния, посвящённого этому типу, велела передать мне? Не вяжется... Тем не менее, сам признался и – послушно передал. Так хотя бы, бляха-муха, с паршивой овцы хоть шерсти клок, ведь он зажал потом архив, не удалось повнимательней ознакомиться.

Тело за мною ходило... 1998, декабрь. СС №6. *Тело за мною ходило тело / Ело маковый мед* – ей хотелось думать, что навсегда распрощалась с Д.С., увы. Первая строка оказалась цитатой из Йоны Волах. *Гильотина света над головою* – острое ощущение близкой смерти. Убийственный образ!

Я стал как бледный мебель... 1998, весна. МС 2000. Здесь исправлена первая строчка, в МС слова *бледный мебель* были перепутаны местами... Весной ей удалось соскочить с иглы сравнительно безболезненно, за три дня, стоило написать эти строки – полегчало (так рассказывала). Верю. Творчество не хуже порнофильмов лечит, по крайней мере, на менее жестоких стадиях ломок творчество очень эффективный метод. Это я вам как алкоголик говорю. И как мизантроп, ха-ха-ха. Шесть строчек этого стих. из первоначального варианта *Штрихов* (см. к ним комм.). *Стеклянная гармоника* – шприц, на слэнге наркоманов – баян; *рыжие рыльца* – конусные основания игл (бывают оранжевого цвета); *целлофановая пыль* – героин, малые дозы героина содержат в целлофановых пакетиках, которые герметично “запаиваются” на пламени; *стрихнин* – его подмешивают в опиат для более крутого прихода, поскольку наркомафия интересуется исключительно прибылью, стрихнина оказывается зачастую слишком много, что даёт гнуснейшие побочные эффекты, а то и приводит к смерти; *мусульмане* – мелким героиновым бизнесом промышленляют бедуины центра страны; *в колесах усатые белки* – фантазм её дружка-“благожелателя”, как мне казалось раньше, этакий аптечный зоопарк (годы спустя, однако, к своему изумлению, я наткнулся поздним вечером на аптечную витрину с игрушечными белками, усатыми, в колёсах!); *девятое ребра* – через этот образ А. пыталась передать своё состояние – ломак, как у нас выражаются...

Я находил старинные слова... 1999. МС 2000. Начало задуманной в последний февраль-март поэмы. Насколько я знаю, Радовская богоматерь должна была оказаться в центре сюжета – остаётся только гадать, куда текла прерванная речь. *Малоприличная детка о третьей руке* – ироничная оценка византийской легенды, пересказанной А. добрым её знакомым Шуриком С., о бегстве в Египет Святого семейства. Во время оногo Деве пришлось пересекать реку, кишашую крокодилами (в наших-то краях – реку! с крокодилами¹), замыслившими (гады!)

¹ здесь водились когда-то крокодилы, надо признать, давно и, насколько известно, севернее возможных маршрутов из Вифлеема в Египет.

напасть на лодку с беженцами(!) Дабы облегчить ситуацию, Господь наградил Марию третьей рукой (ничего другого Творец придумать не мог в тот день), которой она прижимала младенца к груди, а обычными, так сказать, общепринятыми руками Святая Дева схватила шест и, орудуя им, отважной амазонкой отбивалась от оборзевших пресмыкающихся, Иосиф, тем временем, грёб, надрываясь...

В свете нами проиллюстрированного, характеристика по адресу Девы *детка* становится ясна: вполне себе художнический взгляд на происходящее.

Чего-то здесь мне увязать не удалось, шёл разговор о последней строке 2-й строфы – не могу точно восстановить, а автограф – то опи-ски, то нрзб. Этот текст, следующие за ним два и последний в разделе ПОЭЗИЯ взяты из общей тетради, которую Анечка неожиданно для самой себя завела в январе. В той же тетради нашёлся необыкновенно живой кусок, привожу:

*Медвежий угол речи львиной
Речь львиную крошил скворец
в знойной зелени и синей
Из мякоти и плоти мяса
юродивый ваял дворец
(мышинные поля насильно славой
кормил и это звал державой
и запрягая в три реки
кормил с гноящейся руки)*

Авторские пометки меня поначалу смутили, готовя к изданию МС в 2000 году, я вставил в стихотворение одно слово, восстановив зачёркнутое лишь частично. Здесь же оригинал воссоздан целиком, восстановлены четыре зачёркнутых строки (они взяты в скобки), и я позволил себе разбить одну строчку на две – на четвёртую и пятую. Нелишне добавить, что во второй книге А.Горенко *скворец* должен был занять место шмеля. Лишь по написании “Негромких песен маджнуна” я усомнился в верности собственной трактовки этого отрывка, предложенной мною в МС. Маджнун в просторечии безумный или юродивый (в том смысле, в каком дервишей можно назвать аналогом русских юродивых) по-арабски. От маджнуна произошёл Меджнун – чокнувшийся на почве неразделённой любви (см. арабскую поэзию, восьмой, если не ошибаюсь, век, знаменитый Кайс; по следам его не самой весёлой истории, Низами, спустя несколько столетий,

прославил имена Лейлы и Меджнуна на весь мир). К тому же тут: *из мякоти!* Отсылаю в связи с этим читателя к программному стих. из моей книги АЗБУКА “Алеф. Бэт”, в контексте сказанного стоит здесь упомянуть и “Колечко дыма”, одно из ценимых А. стихотворений из моей второй книги. Для полноты картины рекомендую прочитать комментарий к стих. №92 *Пригоршня* (с.138), станет понятней «откуда» взялись здесь *три реки*, и почему *кормил с гноящейся руки*. Вариант, приведённый в МС (первые семь строчек, с заменой в 6-й определения *мышинные* на глагол *кормил*), энергичней, конечно, но не столь нюансирован.

След от бритвы безопасной... 1999. МС 2000. Черный период последней вяззки. Длился он долго, около двух месяцев. *Выживать на островах* – преломляется тема Йоны Волах.

Упадок. 1999. СС №9. Я не литературовед, демонстрировать свою эрудицию или отменную память не моя задача. Потому пытался (и пытаюсь) не перегружать комментарии бесконечными параллелями, ссылками и прочей, претендующей на высоколобость, ерундой. Систематические кивки в адрес того или иного автора (Мандельштама, к примеру, Бродского, кого угодно) при анализе стихов Анечки лишь затирают и обесценивают неповторимость её поэзии. Хуже того – подвергают сомнению феноменальную бесподобность её опыта и судьбы. А вот показать мастерство Анны Горенко – дело достойное усилий коллеги. Поэтому обращаю внимание читателя на вторую строфу в этом ст-нии: качественно трансформированный Заболоцкий во 2-й же строчке с точно воспроизведённым ритмом. Вот это – искусство! Причём, само-то стихотворение действительно «упадочно», оно несравненно проще, я бы даже сказал – примитивней, стихов А. позднего периода. И тем не менее – насколько плотная вещь!.. *Мой муж признался умирая / Я пидорас* – Д.С., любитель пострадать, “поумирать”. Он-то вынырнул. Признание его трактуйте, как хотите – правильно в любом случае.

все-го-то города... 1994-5(?) МС 2000.

Несомый жук в топимый рай... 1992. МС 2000. По мысли Анечки, заключительная вещь первой книги.

Надсадно яркое о маленькое душно... 1997. “Симург”. Отзывы А. об адресате памяты всем её друзьям. Предлагаю Жене проанализиро-

вать стихотворение. Можно с придыханием: *Надсадно яркое о маленькое душно... Надсадно яркое кому ты ни скажи / Спроси меня? Но глаз сдержать не может / Цветной сменяющейся лжи...*

Перевод с европейского. 1999. СС №6. С адресатом, Андреем Гликманом, Анечка виделась 30-го марта, незадолго до того он приехал из Франции навестить друзей. Как метко о нём отозвался кто-то из его компании – столбик искряного говора. Это последние стихи Анечки, написана вещь в апреле чуть ли не за день, максимум – за три, до смерти. В антологии ДЕВЯТЬ ИЗМЕРЕНИЙ сказано, что за несколько недель, при этом, со ссылкой на меня! Спяну что ли, Данила? Научитесь проверять себя, господа критики!..

Анечка знала ВСЁ (хоть и надеялась, что ошибается). Проставленные дата и место написания лишний раз это ВСЁ подтверждают. Ассоциативный ход мысли не случаен – в Терезиенштадте, немецком лагере сбора евреев перед отсылкой их в Аушвиц, погибла сестра, вроде бы, её бабки (по части степени родства не ручаюсь за достоверность информации)...

Это высокая ставка – ставка на МИФ. Равноценная жизни. У Анечки были все основания стать мифом АННА ГОРЕНКО. Она блестяще справилась со своей задачей. И это ещё не конец.

№ 81

<Смерть> на моих погонах
Дрожит как маленький рот
<Сердце> огнём зелёным
Горит и гуляет вброд
Взгляни на меня, я амёба –
Плащ легко облезает с плеч
Я вдыхаю липкую воду
Успевая её поджечь.

Жив брезглив невоспитан
А ну, наклонись надо мной –
Застыца едкого дыма
Ёжу глаза я – ой
С каждой затяжкой ой
Я всё больше – ой, ой умеючи: вдох
– ах, я боюсь огня!
Предъяви же мне удовольствие –
Попрезирай меня!

(Оседая на склоны
С губ облетает страх
Маки и анемоны –
Это лишь эхо в горах.)

№ 81. Конец 95 года. СС №5-6(24-25), 2003 (там же вся нижеследующая подборка, кроме №№ 90-96). А. их отставила сразу после того, как над ними “поработали”. В книгу включены не были. Она находила, что нечего с ними возиться, лишний труд – доводить до ума, принимая, или не принимая во внимание заскоружлых рацпредложений чуждого по духу пера, разрисовавшего автограф. Анечке предлага-

лось “думать” БАБОЧКАМИ! Мания была у товарища, лучше всем писать как Генделев! Последние две строчки – аллюзия на генделевские стихи из “Посланий к лемурам”, А. решила доставить приятные минуты костенеющему о ту пору мэтру, вот и явилась “при погонах”. А тот ей (по-офицерски, разумеется) плащ-палатку пытался влепить в эти строки, причитая: что Тарасов с нею сделал!.. Генделев, конечно же, «связывал свои надежды на новую генерацию русскоязычных поэтов» в Израиле с Анечкой, как о том пишет Е.Сошкин в «Лепрозории для незрячих», но в первую очередь – с Д.Кудрявцевым.

Потом Анечка пришла ко мне с изуродованным автографом, рассказала, как и что, яотреагировал резко: одно из двух, дорога – либо ты блеешь бабочкой и примериваешь генделевские ужимки к своему плечу, как Кудрявцев (но сюда тогда не приходи), либо... Она меня мгновенно перебила, полились признания, захлѐб эмоций – вскрик: только не прогоняй! С Генделевым она продолжала общаться и дружить, но с его замашками (а это могло обернуться излишней и даже вредящей прививкой не женской лихости) было покончено. Справедливости ради отмечу: в стихах нач. 90-х у А. тут и там обнаруживаются следы генделевских приёмов. В частности, в стих. *Отступление тьмы на поворот за Латрун...*, посвящённом при всѐм том Г.-Д. Зингер: стоит вчитаться в него, оно фиксирует отказ от поэтики МГ с первой же строки. В плоскости лексики, в особенности, но и по существу тоже: тьма – один из стержней генделевской поэтики. А здесь этого не скажешь, зато сам этот текст не был допущен в готовящуюся книгу по вполне понятной причине.

В <> А. заключала отдельные, сомнительные в её понимании слова, иногда даже целую строчку. Помню, что предложил здесь в первой строке не пережимать, заменить на *день*. Но она не спешила соглашаться, ей больше *сердце* тут мешало. Что касается воспроизведения стихотворения в будущем, то нисколько не настаиваю на этих самых скобках.

№ 82

Амоба летит! Амоба, привет!
А вы – уходите домой!
Цивилы, долой!
Амоба нам свет принесет! Электрический свет!
Мы все нужны амобе, мы все ее друзья,
а вы бурундуки-и с вами жить нельзя!
Амобу не дадим распясть, нельзя амобу обижать!
Четыре якоря горят и шесть ее крылов,
ее зовут Иван Кузьмич – Иван Кузьмич Петров.

(припев)

Мы все готовы, все. Трусы мы постирали,
скрутили косяки, сложили одеяла.
Гряди, Амоба! Мы умылись и поссали.
Мы ждем Амоба, чтобы ты на нас упала.

(голос со стороны)

А что с Тамарой, ёлы-палы?

№ 82. 1994. Я уже говорил, озорная была девушка. Почему Амоба? У маленького брата Анечки в игривом детском мозгу родился этакий догон: Амоба – цивилизация нечеловеческой природы. Любопытен в этом стишке один момент: мало того, что пришельцев собрались встретить косяками (подкурить их надо, чего им хлеб-соль!), мало того, что *умылись и поссали* (перед тем как... что?), так ещё и с Тамарой что-то случилось – то ли бьётся, то ли стынет. О существовании сей милой чепухи никто из лит. окружения А., разумеется, не знал...

№ 83

На немногое вчера: я:
ружьём и лесом октябрём и зайцем
лесом нефтяным
Кто помнит потолок ныряя пароход
Тот утро ветра стен чудесный день
А осени архитектура вод вечерних лет?
Звонких охот по топоту костей
Вежливый хлеб тела: завтраки теплых дней
Мутит от запаха мела оловянных моих коней
Деревянных моих солдат
неразменных гостей
Мелких монет нагар
Понизу псов трусца
А в нефтяных глазах слепых ржаных колес пожар
Под морозящим дымом ждет дрожа ладонь ловца

№ 83. 1990-1. Впервые опубликовано Евг. Сошкиным (Анна Горенко. Стихи. Иер., 2000. Б-ка журнала “Солнечное сплетение”). Опубликовано, впрочем, с ошибками, которые сам же Сошкин позже исправил, что похвально. Стихотворение брошено посередине путей недоработанным, А. о нём попросту забыла, в корпус первого сборника не намеревалась включать, не говоря уже о втором. И нет ни единого намёка на этот стих. ни в одном из сохранившихся списков. Помещать этот набросок в посмертное издание, претендующее ко всему на “сходство с книгой, которая могла быть издана живым поэтом”, да ещё и в сомнительной редакции вряд ли стоило. Издание Анечки, затеянное Сошкиным, вообще не выдерживает критики в качестве версии первого авторского сборника (раз уж таковой, что ни говори, имеется). Что касается т.н. достоверности, тоже есть возражения: почему-то не поверил мне филолог относительно ряда разночтений и

авторских правок. А зайти, чтоб убедиться не удосужился. Впрочем, изданная в НЛО книга А.Горенко не многим лучше.

В первой строке кажущееся опечаткой *вчера*. Твёрдый знак выполняет функцию утверждения – вчера было что-то ясно обозначено, твёрдо сказано. Е.С., в свою очередь, вовремя подметил в своём выражении, что *на немногое вчера* “скорее относится к впечатлениям краткого (доизраильского) отрочества”. Сохранился автограф стих., с которого наш редактор перепечатал сверху вниз. На листе же первые две строки отделены решительной чертой от основного текста, привожу их:

*Спина слепых прилепится к дворцу
Силкам детским прорех не избежать скворца*

Так не выделяют эпиграф. Если эти строки и имеют какое-то отношение к тексту, то как ориентировочная концовка, пусть приблизительно, но, так или иначе – ориентир, близлежащий к финалу. Создаётся впечатление, что автор разогревается, а эти две строки должны стать кульминационными, видно как Анечка (ещё слишком подвижная и неустойчивая, вся в поиске) ведёт к нужной, заранее намеченной ритмической фигуре. Рифма не столь тут важна, А. намеревалась войти в колею заданного ритма. Этот текст следует понимать как упражнение, тренировка, что называется. Недаром, если мне память не изменяет, она оставила пометку, указывающую на то, что первые два слова второй строки меняются местами: *детским силкам прорех не избежать скворца*. В любом случае, вещь незрелая, хоть и любопытная, хаотичная, молодым, но требовательным к себе автором отложенная сознательно и напрочь забытая у Даны Зингер. Не исключено, что именно Дана посвящённая (см. письма). Много позже – через восемь лет – дворец со скворцом неожиданно всплыли и пластично легли, нашли свой контекст в чудных строках (см. основной корпус, комм. к *Я находил старинные слова...*).

№ 84

Какие-то сомнительные тряпки
Пятнистую и жёлтую помойку
Рвут крики недоноска. В наше время
Такие звуки называют песней –
Такая уж у нас архитектура
И поезда метро, и ветер лает
А холодно и воздуха не хватает
Не будет сна, ни матери, ни смерти
Как висельник, я стану свечкой сальной

Зато Господь возьмёт меня на небо –
За то что я пою, как Божий ангел.

№ 84. Февраль 1999. Долгожданная находка. Сохранилось у Иры Голуб в тетради, на одной из страниц среди её рисунков вписано оказалось, о чём она не подозревала. Тем не менее, через год после смерти А. стихотворение нашлось; а ещё через год доехало, наконец, и до меня. Ира одарила листом, вырвав его целиком. Так что стихи “оформлены”.

Вот, коронное *метро* сразу обнаружилось. Нетрудно уловить здесь всё тот же мотив (лишь регистр другой) – спокойное “ощущение” смерти, знание, чёткое представление о том, что она совсем рядом, что она неизбежна, она сбудется, и выглядеть ВСЁ это будет так: *не будет сна, ни матери, ни смерти*. Сон, точнее сны, страсть Анечки, что неоднократно уже отмечалось мною. На вопрос молодого коллеги (разница между ними всего шесть лет) мощно ли ей торчится – а были “хоффманы” – она с великолепной надменностью уронила: “Сынок! Я торчу только от двух вещей. Это чёрный приход и глубокий сон”. И вот ТАМ, ПО ТУ СТОРОНУ – ни будущей, давно, я бы даже сказал, с нетерпением ожидаемой смерти, ни потусторонних

сновидений, которые играли решающую, претворяющую роль в жизни. Смерть была ценностной категорией в мирозерцании А., начинающая же с рокового 4 апреля станет (стала) обыденностью. Здесь в её голосе появляются нотки жалобного слёзного смирения, но в финале их подминают под себя и доминируют интонации хоть и приговорённой, но в восторге последних молитв сияющей монашенки. Обращаю ваше внимание на последнюю строку, меня здесь интересует вторая её половина. *Как Божий ангел.* Напомню читателю одну важную деталь. Речь идёт о предполагаемой А. обложке к своему *Шмелю*, первой и единственной собранной ею книге. Рисунок, небрежно набросанный не очень умелой рукой, внятен и однозначен: ангел, прижимающий к груди младенца, склонил низко голову к плечу, выражая тем самым свою скорбь, – ноги ребёнка безжизненно свисают. Он мёртв. Ср. *Песни мертвых детей*, в первую очередь концовку пронзительной мольбы *Голема*: там обратная ситуация – *держат дитя над мертвою толпой...* Оптике без света не бывать, – всё сложилось в итоге, как в зеркале художеств Рока. Божий ангел. Держит мёртвое дитя *над мертвою толпой*. Дело происходит ТАМ.

Петя Птах, которому Анечка зачастую сразу же прочитывала своё новое по телефону, вспоминает разговор между ними по поводу этого стихотворения. Оказывается, оно должно было каким-то образом вплестаться в задуманную поэму, начало которой опубл. в основном корпусе (см. выше *Я находил старинные слова...*), по крайней мере, добавил-уточнил он, шла о том речь. На мой взгляд, эта отбитая у безгласности вещь вполне самодостаточна. Она закончена, отвечает за себя «от» и «до», привинчивать её к отрывку не стоит – от чего как само стихотворение, так и начатая, прерванная смертью задумка, только выигрывают.

№ 86

Дреер спит лохматой свинкой
Бровь щека животик спинка
А на лбу немножко кожи
Сверху пока кожа тоже
Сбоку шеи на локтю
Дреер гладок как утюг
И боками Дреер смог –
Гладок будто бы сапог
Ноздри уши и пупок
Глубоки и сон глубок
Бледно синие трусы
Венчают Дреера красы

№ 86. Шутка от декабря 1998, записана на листке из блокнота. Дреер – жёлудь. Тусовочный. Потому так и спит. Евгений. Был избран на пост говоруна в моём правительстве. Не жаловался. Впрочем, местный парламент нас не понял и от испуга назначил специальную комиссию. Нашу инициативу отвергли. Торгаши. Корыстолюбцы и интриганы. Начались репрессии. Но Женя и по сей день не жалуется. Несмотря на то, что воду отключили. И – на тебе – пренеприятный сюрприз. В ходе написания нашего оптимистичного комментария выяснилось, что водой дело не ограничилось – мытари, в библейском понимании слова, ведь мы в Иудее, – Дреера не забыли. Отключили ещё электричество... Иерусалимский быт для многих и разных – форма аскезы.

№ 87

Я лисы
на прежнем месте Бога и людей
и носится бумага надо мной
шурша шурша
сама собою черною собою
шурша

№ 87. Год неизвестен. Судя по всему, что подтверждается также файлом нахождения, не позже 95-го.

№ 88

Желание держи мои запястья
А осторожно
В прекрасной арматуре несвободы
Жуя но ни за что ни на манжеты
Жираф идет по жердочке смеясь
Не выдавая сдержанный эпитет
Железные журналы жарко дышат
Не скажем мы какая ты моя
Но –
– плечи – брови –
Съела серых ягод
А иволга –
и три альбома пагод
Поддерживают книжный магазин –
Где продается рядом апельсин
Накапливая метр и размер
Как стенка белый пляшет офицер
Он помнит с детства все слова на -овка
У нас в руках для рифмы есть винтовка
А ты опровергаешь всякий цвет

№ 88. Выловлено в Сети. Хорош улов. Ниже – пишет Наташа Беленькая, опубликовавшая эти живые, незамутнённые рефлексией строки: “Вот что она написала мне в альбом где-то между июлем-сентябром 90-го года. Этого, небось, ни в одной подборке нету. В те дни она еще называлась Аней Карпа”. Любопытно сравнить эту вещь с № 83 *На немногое вчера: я: ...* Обе буквально лопаются по швам от образной перенасыщенности, Анечку что называется “прёт”, она почти без разбору спешит запечатлеть всё, что срывается с уст, стекает с пера. Подлинное проявление

поэта. Пускай ещё незрелого, но без оглядки заглѣбывающего
собственной речью, одержимого художническим препариро-
ванием, перекраиванием, перечеканкой образов земли и неба,
смерти и любви.

БРОДСКИЙ ПОЛЬЗУЕТСЯ СИТУАЦИЕЙ

(пьеса в одной ремарке)

Осмотрелся, а нет стены
Не то что провал, а вроде бы так и надо
Пытался смириться
Эдак осесть, приглядеться, облокотиться
Прислониться, откинуться
Спокойно через стакан как на танцовщицу
прищуриться в
ничего
Не тут-то было:
Тремя глаголами выше –
затылок! смылило? сбило? рассосался.
Ну всё, я фас.
Я сказал бы АТАС! но Бродский
Затаскал его это слово, хи-хи, затаскал.
Мои ботинки лакают плитки пола – что те котятка.
Бродский сносил русскую речь (в паху так вовсе до дыр)
Как галлюциноген он использовал рыбий жир
Воспользовавшись идиотской ситуацией,
сложившейся в моей квартире, Бродский,
крадучись, подходит к бачку унитаза и вылавливает пригоршню ещё
живых и юрких слов, рассовывает их по карманам своей стёганой
жилетки на стекловате, и за подкладку. Уходя, опасно придавливает
слова в карманах.
Так и пропах протухшими словами, ей-богу.
Мои ботинки рвёт: ЪЫЫА! ЪЫЫА!

сколько в нашей бодрой базарной полемике, публикатор использовал это стих. в качестве аргумента contra, рассказываю как есть. Как было.

1991 год. Мы шли с А. улицей Нэвиим (Пророков) из Культурного центра, что на Штрауса. И когда же начнутся уроки, спросила она вдруг. А что тебя интересует, отвечаю вопросом. Ты всё время говоришь об интонации, я это так понимаю – не ездить на рифме, сказала А. И тут же добавила, – но надо ведь больше! Я, конечно, согласился с тем, что – больше. Иногда следует проорать однажды, выговориться, оседлав непосредственно интонационный стих, чтобы лучше уяснить технику. Она даже выразилась так: чтобы вышибить Бродского из-под неё. Ты же сам признаешь, что Анри Волохонский это сделал с тобой, по крайней мере, ты так напишешь. Прости, я не признаю, а давно признал, ответил я ей, не поняв её намёка на далёкое будущее. И уже писал об Анри, говорю. Знаю, ответила она. И тут же попросила показать ей некий образец тонического строя, сказав, что слышала, разумеется, термин “тоника”, но Маяковский, например, её не устраивает (затёрт всеми). И вообще, дескать, не уверена в верности своего подхода. Урок был проведён прям на месте следующим образом. Что тебя донимает, спросил я её. Бродский меня донимает, всё “пустота”, да “пустоту”, ты ведь не случайно проехался в поэме по нему, я-то знаю. Выдай мне тоже карт-бланш, хочу покататься, поучаствовать хочу. Не пропадать же проезднему. Какому проезднему, ты о чём? - говорю. Не важно, отреагировала она, вот ты любишь “а”, с фонемой “а” сделай. Я ей выдал, оставив раскат на “а” напоследок: Дай-ка сесть, приглядеться, облокотиться / Прислониться, откинуться / Спокойно через стакан как на танцовщицу / прищуриться в / ничего / Я сказал бы АТАС! но Бродский / Затаскал его, это слово, затаскал!.. Через мгновение после того, как я всё это выпалил, добавил: хи-хи – отметив, что смешок этот воспроизводить нет нужды, мол, ехидный каприз и не более, лучше опустить. Чего она, как видите, не пожелала делать и заключила даже внутри фразы, а начало моей эскапады передала на свой манер, чтобы выход на цитату был логически обоснован... Вот вокруг этого, продолжил я затем, ты запомнила? – не сложно зацепиться, простой ряд глаголов – вокруг этого ты должна организовать текст, справедливыми претензии с твоей стороны будут к Бродскому или нет – меня не интересует, велел я ей. Если запомнила, говоришь, очень советую попробовать. Домой придёшь, сядь и сделай. Минимум рифм, максимум свободы, с перепадами в метре, например, как слышишь. Верлибром придётся овладевать, двадцатый век, такое упражнение необходимо. – А если я соскользну

в прозу, спросила А., это не страшно? – Это плохо, принципиально говоря, это самый коварный момент (заметь себе на будущее), но одноразово, для пробы – не страшно. Сделай это для себя, себе в кайф. Показывать потом? – поинтересовалась она. Да необязательно, себе же делаешь, не мне.

То был день насыщенный не столько событиями, сколько переживаниями. Сцена выше – на перекрёстке Нэвиим у школы, по дороге из Культурного центра, как уже говорилось. 91 год, начало марта. Она провожала меня до пл. “Давидки”. И вот так подстегнула своей невинной просьбой. Анечка могла это делать – ей удавалось манипулировать людьми с чрезвычайной лёгкостью в любом возрасте. Даже свой «фас» она успела вставить вовремя, выкрикнула с хохотом, словно науськивая мой голос на Бродского, что-то, а это хорошо запомнилось.

Немало проговорить удалось, останавливаясь по дороге, тогда-то я и сказал ей: Выкинь всё, написанное в рифму, и начни заново. Почему-то она восприняла это крайне драматично: Что? и любимый *Логос* (см. №95) выкинуть!? – воскликнула. Я не знал о чём она. Вообще её стихов на то время практически не знал, по-моему, только *Одежду рахат лукума* от неё слышал, и, кажется, *Шмеля* (*Жжет и лижет язык...*), но не предыдущих, не показывала, не читала. Позже стихи, судя по всему, таки были уничтожены ею, потом пришлось мне восстанавливать. О чём она же в ходе описываемой сцены и сказала обиженно: сам восстанавливать будешь, по своей же вине. Кто бы на моём месте мог заглянуть на 16-18 лет вперёд? Но так и случилось. Детали см., начиная с *Пригоршни* (№92).

Самое занятное во всём этом, что и до 91 года в арсенале поэтических средств А. уже заложен был многообещающий синтетизм. Зачем тогда этот прикол, едкий и безбашенный, понадобился? Она долго выясняла отношения с культом Бродского, творчество которого для неё на юном этапе развития было эталоном и фетишем (после получения нобелевки И.Б., с ним носилась «инакомыслящая» интеллигенция, неразборчивая, как швед под Полтавой). Впрочем, это достаточно естественно, многие болели им и продолжают болеть. Что совершенно напрасно. И чревато, в первую очередь для пишущих стихи, потерей ног. Бродский – это интонационный капкан. Опасный не менее, чем fast food. И с мощной пружиной! Поэтому – капкан. Его поэзия всегда была служанкой рассудка, с этим, по-моему, трудно не согласиться. Также нетрудно согласиться и с другим: это золото с акмеистическим замесом, оно – второсортной эпохи, по собственному же

определению поэта. Он не смог стать образцом прорыва в область “невозможного” синтаксиса, бормотания и заговаривания, “невозможных” связей в речи. А вот Айги смог. И не только Айги. Соснора, например. Правда, и в этой ситуации найдётся один позитивный момент – Бродский научил некоторых, как не надо разматывать речь и тупо толочь её в ступе, словно какую-нибудь щебёнку. Ведь язык живой! Разве не жаль?.. См. также коммент. к одноимённой прозе.

№ 90

ХОРОШЕМУ ТАРАСОВУ

Как старательно трясутся руки
Как старательно руки трясутся
Как старательно льётся водка
Как старательно водка льётся
Как старательно я пьянею
Как старательна водка – млею

4 апр.

Сочинения 2010. Стихи, написанные совместно с Анечкой в день седьмой годовщины её ухода, 4/4/2006. Нам не дали их завершить в тот вечер, но удалось на следующий день. Название её. Моих две с половиной строчки, включая финальное кольцо рифмы. На названии Анечка настояла. Ты же завязал пить, говорит, значит, *хорошему*, а то было бы *плохому*.

№ 91

Дым на снегу котятками клубится
катит
косогором парка –
влекущие когда-то стговором предчувствий
пейзажные черты
уже не обнадеживают.
Привык,
пора в аптеку...

Ночь. Улица. Фонарь. Закрыто.

15 авг., 22 дек. 2007 (запись)

Впервые ЗНАКИ ВЕТРА (www.znakivetra.com), Поэтические сборники, №2. Иер., 2009. Стихи начала 98 года. Припоминаю такой момент, связанный с «блоковой» строкой: Анечка не очень убедительно говорила, что само стихотворение потеряно, хотя – тут же добавила она, – всё равно найдётся. Оно, дескать, авторскую немощь демонстрирует, и вообще, финал из Блока (эту легендарную строчку, облетевшую тогда весь Иерусалим, приводит Е.Сошкин), а потому стихи и саму её неправильно поймут... У кого-то может вызвать сомнение строчка *Привык* (м.р.), пусть не сомневаются – в одном из самых цитируемых её стихов (тоже, кстати, 98 года) есть такие строки *Я с тобою к жизни вечной / И к бессмертию привык*.

Зачин был её. Первая строчка. 2-я – моя, слегка подталкивает что ли, а дальше как-то само всё у неё выстроилось, я не вмешивался. 6-я словно из *Наблюдательного пункта* по тональности (на фоне предыдущих – особенно). Затем это *привык*. В сочетании с *аптекой* оно работает жутковато, здесь «всплывает» наркоманский дискурс, речь идёт о *привыкании* другого рода (*закрыто*, к чему бы иначе это

фиксировать?), нежели о привычке к коротким прогулкам под видом позднего моциона. И ход её шахматный, конём на четвёртую клетку с цитатой (я бы так не решал), сразу съела, и стихотворение вдруг обрело некую перспективу, оно свершилось, нашло свою единственно точную окончательную форму. Признаться, я не сразу догадался, что эта известная всему Иерусалиму строчка А. последует здесь, несмотря на летнюю ещё подсказку с её стороны. Так и сказала: последняя строчка начинается со слова *Ночь...*

ПРИГОРШНЯ

Когтист и алчен воздух века
истощных толп и лёгкой дичи –
расцвета пагубы и лака,
телесной музыки обличий.

Я лишь коснулась – ткань сияет.
Теперь на радость ты коснись –
здесь в этот воздух тёмно-синий
алые ягоды вплелись.

Я знаю – мёду литься сладко
и поступь августа – печать.
Течения прозрачна лепка.
Смотреть и миловать. И ждать.

ЗНАКИ ВЕТРА (www.znakivetra.com), Поэтические сборники, №2.
Дата записи 6-7 августа 2007. А. упростила назвать это стихотворение,
причём, желание было вполне конкретным: ПРИГОРШНЯ. Недаром.
Уверен, что тут мне принадлежат несколько строк. Строчки *здесь в
этот воздух тёмно-синий / алые ягоды вплелись* имеют двойное дно,
помимо явного смысла таится намёк на деталь моей лит. биографии,
в тёмно-синем “Воздухе” вышли “Негромкие песни маджнуна”. Как
бы там ни было, теперь окончательно прояснился смысл стих. Анечки
Медвежий угол речи львиной... из предсмертной тетради. Мало того,
что я именно *юродивый* (см. комм. к *Я находил старинные слова...*) в
контексте, но и последние зачёркнутые ею строки *и запрягая в три
реки / кормил с гноящейся руки* вполне поддаются расшифровке. Три
реки – здесь три автора (с Мандельштамом вместе), а про гноящую-

ся руку я помню, сказала как-то: лопнувшие мозоли, – ей этого факта было достаточно для того, чтобы дать такое определение. В дни записи стих. у меня как раз образовались мозоли от закручивания крышек без перчаток, вот ещё один лопнул. Не могу сейчас восстановить когда и где, но помню также, что А. говорила мне о *совместной работе и совместимости* в ней, каковой была очень довольна (в комментариях к МС я об этом обмолвился, в связи с *Медвежьим углом...*). Изощрённая Анечка. С какой виртуозностью закодировано!

№ 93

Томлению внемлют случайные мысли
веление телу, прозрачны на вес
отточенным звуком которые числим
явления сладких и быстрых чудес

Мы это зовём ни изюмом ни вишней
малины пригоршни ворованный мёд
и медный оттенок рассеянный выше
и перечень медленный наперечёт

А кто не вкусил это терпкое время
и нежную горечь со дна не испил
чьих слов не исторгло ревнивое пламя
приблизив к престолом пронзительный стиль

их в наше дыхание мы посвящаем
делясь изумления тонким вином...
Томлению внемлют мысли случайные
Веление радости вещим огнём

12.12.2007 (запись)

ЗНАКИ ВЕТРА (www.znakivetra.com), Поэтические сборники, №2. Лирика до крика. Год написания, скорее всего 1989. Как и ПРИГОРШНЯ. Я думаю, что здесь ей семнадцать лет. Во всяком случае, Анна (ещё не Горенко) уже знакома с Мандельштамом. Что произошло, в свою очередь, после прочтения Бродского (1987-88). А. успела тут станцевать на паркете ОМ и сказать чуть ли не всё вплоть до *медного оттенка* (с этим совсем неслучайным *перечнем*) и своего *пронзительного стиля*.

Ранее неизвестный мне факт – Петя Птах сообщил, – *ворованный мёд* оказывается хорошо знакомая местным поклонникам поэзии цитата из поэтессы Рахели, которая, в свою очередь, отлично владела русским языком, хотя и писала на иврите. Люди же знакомые с творчеством Ионы Волах, также знают цитату, Й.Волах однажды удачно позаимствовала *ворованный мёд*. А., надо думать, стало известно всё это, правда, позже. Одной из причин, по которой эти стихи не застряли в чужой памяти, не попали в чью-либо тетрадь, компьютер и т.п., является, я полагаю, как раз этот *ворованный мёд*: он оказался замусоленной цитатой, а не аллюзией-находкой.

Её можно петь, вещьцу эту, а я её чуть было не сломал. Понятное дело, что я участвовал в написании, в процессе, внемля хоть и хорошо знакомому, всё же – потустороннему голосу. Но моё участие в создании было весьма пассивным, м.б. пятая пара рифм.

№ 94

дарам причастное стыда
томительно оно стекало
стекало зеркало куда
ещё не заглянула сила

ах, эта сцена на двоих! –
нам тоже на двоих хватало
занятий медленных как стих
горячих как огонь и шалых

день длился полон торжества
предчувствий мгла забила в угол
а горизонт делил на два
волшебник взявший мел и уголь

ЗНАКИ ВЕТРА, Поэтические сборники, №2. Наверное, тот же период, 1989. Тогда и началась элегантная игра А.Горенко с Мандельштамом. Текст записан летом 2008.

№ 95

жест сменится болью
а отзовется криком
Мёртвого моря солью
вдруг обернется кокон

кто же не думал неба
мне ли не помнить мёда
складок течение нимба
поступь звучания ямба

вкрадчив и бестелесен
танец вторжения духа
чары исторгнутой силы
брага и воздуха порох

стелется речь молитвы
взлёт – уязвлённый возглас
медь наковальня молот
смерть колокольня Логос

ЗНАКИ ВЕТРА, Поэтические сборники, №2. Как я понимаю, конец 89 – начало 90 года, м.б. первое стихотворение, написанное ею в Израиле. Здесь отчётливо просматривается некий «узор будущего», это набросок ожидаемой судьбы, своего рода. Трудно оценить долю моего участия (записаны стихи весной 2008) в создании, по-видимому, она невысокая. Зато здесь очень хорошо видно, как А. продолжает себя испытывать, будучи ещё юной, и уверено разминается при этом, со вкусом «прикладываясь», прикидывая к плечу ту или иную манеру. Диссонансные рифмы – заслушаться. Некоторая размытость синтагматических границ, необыкновенно выразительная, в то же время.

№ 96

сквозные выплески от ветра
чей жест не может быть отвержен
неузнаваем знак исчезнув
за шёпот тенью заглянув

не может абрис быть и искры
когда зачерпываешь горстью
следы блаженства состояний
перебирая слитки ткани

глаза не могут заменить
на слух расставленную сеть
заговорить не может рот
когда вино в него течёт

отвесной паузой дыханье
согласных дробное признание
чужого переливы пеня
одно волшебное мгновенье

Публикуется не впервые. Запись произведена в первых числах марта 2009. Я поместил эти стихи в книгу «Превращения чистого времени». На вопрос, почему это было сделано, ответу: в главе «Абрис Эпиграфы Тушь» её стихотворению самое место. О его безупречности сказать можно много, не исключено, что по ходу записи, я вставил что-то и от себя, с Божьей помощью. Авторская дата создания – загадка. Мне кажется, нечто подобное я от неё слышал (кусоч) при жизни, т.е. эта вещь, может стать, является частью утерянной малой поэмы, о коей говорится в преддверии «К палитре Анечки». Тогда год создания 1995.

БАЛАГАНЧИК

Вы вряд ли знаете, но издается у нас тут в городе Тель-Авив такой ежемсячник – Балаган. Лучше для вас конечно узнать и об этом от меня, как например, для дивизии им. Павки Корчагина лучше узнать о немцах за пригорком от смелого разведчика Феди и тихонько уйти в другую сторону (за подкреплением). Таким лихим и отважным разведчиком, товарищи, для вас буду я. Ну вот, вы дождались моего возвращения (Федька! живой, браток! ну, давай попей сперва, Федечка, кипяточку. А немцы потом, немцы, они, Федечка, не убегут). И потекла непринужденная беседа.

Если допустить такую идиотскую ситуацию, что Булгаков лег спать с Кафкой и они насмотрели совместный сон, то снился им не рокот космодрома. Им снилось бюро трудоустройства Панорама. В этом бюро, где персонажи черпают минеральную воду кружками, мне предложили место “в одном русскоязычном издании”. Роковое имя издания они сказали, только прибрав денежки, и я было хотела повторить обмен, но надежда на Кондиционер, Кофе, Компьютер, интеллигентный Коллектив толкнула меня на подвиги, на Которые даже Винни-Пух не отважился бы.

Я пришла на пятнадцать минут раньше и тихонько пристроилась на ступеньках, полагая, что неприлично являться в любое нево- время. Вышла крупная обесцвеченная дама в брюках тайц (гусарские рейтузы, обычно их носят только после пятьдесят второго размера) и пустилась меня жалеть и зазывать. Однако стоило мне войти, как другая дама, выше ростом и крупнее, сердито сказала “что это она, ей же велели ровно в два”. “А мы с ней поговорим” встрял мелкий мужчина с цепочкой, которого я мысленно назвала Порфирий, поскольку у них не было принято себя называть. Он сделал злое лицо и задал мне вопросы на тему высшего образования и продолжительности пребывания в Здесь. Ему явно хотелось применить какие-нибудь иголки под ногти, но тут меня увели в кабинет и выдали какой-то протокольчик – ну-ка переведи. В кабинете была не распакованная – покрытый пленкой абажур – настольная лампа. Хозяин видимо ду-

мает, что так надо... Тут пришел и хозяин – господин Каневский – и пошло веселье на славу!

– Знаете ли – сообщил господин Каневский, не мудрствуя лукаво, – нам тут нужны профессионалы. У нас сложились отношения, и я не могу ИХ уволить. А теперь нам нужен хотя бы один профессионал. Одна тут пришла – она-то была ас-с! ас-с на компьютере, но не знала слова на иврите. Ой, говорит, это слово я должна спросить у моего консультанта(!)

– Увы, у меня нет консультанта – поспешила вставить я с улыбкой бедного, но с честью обходящегося без Консультанта человека.

– Вот вы позвоните нам потом, а то я не знаю, как вы работаете – завелся вдруг господин Каневский с ноткой отчаяния. Вообще, он был нестерпимо похож на господина Губермана.

– Нет-нет-нет – возопила я, вздохнув Кондиционированный воздух, – давайте лучше поработаем и посмотрим.

С этого момента я не принадлежала более себе, т.е. я не владела собой. Ухватив меня за предплечье, Каневский утащил меня в помещение, где прозябало большинство непрофессионалов, занятых пресловутыми отношениями, и сказал подождать, пока освободится компьютер. Трое очень небольших толстеющих и лысеющих мужчин вели познавательный разговор в стиле “скажи-ка дядя ведь недаром”. Это была сногшибательная версия падения моего родного города Бендеры, и это был первый раз в моей жизни здесь, когда в одной комнате собралось аж три человека, кровно заинтересованных в его судьбе. Самый толстый знал больше всех: “снайперы сняли заранее все верхние этажи, наверно, они что-то предчувствовали”, “а люди! люди-то! бомбоубежища у вас были?!” вопрошал Порфирий “ай, оставь бомбоубежища”. За компьютером, к которому я стояла крайней, если уж говорить как в Бендерах, сидел неожиданно высокий блондин, покрытый здоровым загаром то ли безработного, то ли рантье. Он выделялся отсутствием под сандалиями носков и некоторой ловкостью в обращении с ивритом и компьютером. Что меня поразило сразу – так это имя. Бедного молодого человека звали Эвальд. Да-да! И снова скальд чужую песню сложит и как свою ее произнесет! А почему, спросила я у графика, который мне как раз объяснял, что он случайно не работает сейчас, а обычно они пашут не разгибаясь.

– Он ватик – прошипел график с неизъяснимым уважением. Наверно, промелькнуло у меня в подмененном сознании, родовое имя. У них, у ватиков. Однако я возразила – Это скандинавское имя, а ведь у нас не С к а н д и н а в и я. У нас – И З Р А И Л Ь. График вовсе

обиделся. Он тотчас поинтересовался, не пишу ли я чего. Дальше я ничего не помню. Помню только, что стены с обоями. Помню, график наливал из крана в баллончик воду, тоже, конечно, минеральную. Помню, дочь ивритской секретарши составляла список чего они сегодня ели. Списка не помню. Очень был длинный и жизнерадостно некошерный. Потом Каневский выглянул и спросил ее так: Ирис! эйфо пряники? Клянусь, вот так прямо спросил. Потом опять что-то помутилось.

...Нет, не помутилось. Просто я взяла и почитала экземплярчик журнальчика. Но лучше мы о нем не будем больше вспоминать. Потому что – вперед, к развязке – прежде чем отпустить меня обратно к людям, мне велели перевести друг другу Ирис и господина Каневского. До сих пор им не доводилось пообщаться. До сих пор им приходилось танцевать или рисовать пиктограммы. Но пришел и их час.

Приведу их беседу дословно. Может, она заинтересует специалиста по психиатрии. Если так, то я смогу бесплатно получить реабилитационное лечение, я теперь ой как в нем нуждаюсь. Ирис: Девушка из шикун упитугах отказалась давать нам рекламу. Говорит, плохой журнал. Каневский: Она ватичка! Объясните ей! (бишь, я объясните Ирис) Ватики нас не любят! Мы выражаем политические интересы олим! Да! Да! Объясните ей! И я рад! Я – рад! Скажите ей, у нас в Искусстве так принято, если кто гениальный – травят! не любят! Эта ватичка нам завидует! Да! Да! Ирис: Мне кажется, письмо которое вы пишете на телевидение – плохое, его не стоит посылать. Каневский (с пониманием): Я и не буду его посылать. Я приду вместе с письмом. Это вообще специально такой стиль плохой. Это же провокация! Они т а м поймут. Им же так и надо! Ирис отчитывается, где она просила рекламы. Каневский: Объясните ей! Я поеду в Америку! Я просто не хотел видеть полупустой зал! А теперь меня знают! Я бы умер, если бы увидел неполный зал!!!!

После этой беседы, которую мне лень восстанавливать – она в десять раз длиннее – Каневский сказал, что ему все же нужны профессионалы. Заплатить за пять часов маразма ему и в голову не пришло. Но с другой стороны – Америка ломится в залы только глянуть на Каневского, а я вот целых пять часов практически бесплатно развлекалась.

«БРОДСКИЙ»

С детства первое – покорбленность, прямо первое. Вначале кто-то, а потом и я произносили коробящие слова и поступки. Неловкости не было, но эдак недоуменно саднило.

Карты стесняюсь взять в руки, особенно избегаю сказать: валет червей или что-то вроде семерка. Могу виртуальный пасьянс, но выбираю им прежде неправдоподобные рубашки. А лоснящееся мышиное тельце червей в руки не возьму. Никогда-никогда.

Мне наркоман один рассказывал из жизни, что изобрели опиат варить из шкурки гранатов, хороший. Но изобретатель передумал публиковать чудесное, стал в Канаде лесоруб, да и спился. Нежно внимаю, сидя в ночной пыли. Некто “мой друг” наркомана будто увидел на дне ванны Бога в виде огненной надписи на арамейском. А говорят мистика! А маги писают друг на друга, у них это магическая победа... Пыль, все пыль. Тощий оранжевый наркоман...

Плохо кончается ночь, пыльный ветер над коврами. Мебель: мертвый красный стул неотвязный. Слушай, я говорю, сам знаешь, нельзя разделить, слушай, здесь мало, да? Отвяжись, Иосиф, слушай. Стул, однако, реет, гвозди в ножках. Выхожу на крышу, не понимаю, что к чему – это климат или вездесущий пыльный поэт.

Зуд в левом соске так и подбивает лгать. Люди с чувствительными сосками беззаветно, женственно лживы. О них далее позже.

Розанов все пишет: какой да какой я некрасивый, да и полтливый, краснолицый. По-моему, это все против гомосексуализма. Точно. Неужели он и был такой гадкий? А ведь и фамилия лишайная, а??

Уличат.

Мне поспешно объяснили: раньше были люди, предметы и ситуации, нынче же знаки, рыбки и птицы. Уча наизусть эту весьма удобную для борьбы с грузинским поэтом теорию, узнаю с горечью, что это не теория вообще и не революция космоса. Это частная про-

блема Шуры Зелинского, причем опять-таки не Шуры Зелинского вообще, а именно в этот момент. Тут же обижаюсь. От обиды забылась вся история о людях, знаках и круговороте рыб.

Как победить грузинского поэта? Он как мельница – шкаф, разинувший створки, отчего бы не сравнить с мельницей? А я донкихот, угрожаю насакаивать. “Презренный шкафчик!” “Посторонись, жалкий, безродный шкафок!ль” Но шкаф многозначительно прислонен к стене, как подобает перманентно пожилому, бессмертному, уже мертвому. Грузин любил осин. Превратился сам в осиновый шкаф. Проблема, обратная войне с вампиром. Т.е. надо выбросить грузинский чеснок, святой водой почистить Зубы,

УКУСИТЬ ШКАФ

Расколотить сломать

Пока не крикнет не крикнет не крикнет не крикнет не крикнет не крикнет.

С великою провинциальною нежностью думаю о себе, но своих вещей не упоминаю, кроме джинсов, бывших давно, и манто. Которого не будет никогда. Стою мысленно возле зеленого банка и обращаю ваше внимание: как называют улицы. Женщина в манто тридцати пяти лет – ? – вся немой вопрос – о почему у этих улиц так неприличны имена? Зачем они собой упоминают страшный город, хищные деревья, и, снова, царь!!

А мне говорили: посмотрите на эти ключицы. У кого такие ключицы, не делает зла. Это все о моих ключицах сказал владелец винного погреба Иов моей одной квашеной подруги. Ночь была непыльная, ехали.

Друг мой, приятель, Осс, съел раз 563 (например) зернушка датуры и затем всю ночь ебал подушку, снова и снова. Слова обычного ебальческого хамства Осса перешли в галлюциногенный лепет. Подушка! Чудо тискать, чем не сахар... Грузинский поэт тоже любил подушку. Гений и лентяй, он не нуждался в допинге, выпил только из нечистой плошки менструальное винцо и, припадая на а, повел словесный форплэй. Поэта заводит речь. Быстро, быстрее, быстро, как только возможно. О Уленшвили!

Теперь же сегодня, пригретые грузином бебехи всем нам катаывают сцены. Часто уходят навсегда, хлопая дверью. Дверь, милостивые государи, – лучшее междометие. Выпрямляет речь и, ненадолго, спину. Попробуйте сами!

Думаю в ванной о природе страсти. Белая малина, безмян-
ное лето... Безмятежная эпоха – и все ластилось ко мне, лъстилось.
Повести в теплых книгах – о улитках, о бледных девах.

Гессе на слух, и Джулия, в простынях подвигает ко мне три
нагретых наспанных абрикоса.

Не одеваясь, нелепейшим утром вхожу к безногому соседу за
сигаретами, бужу его и он плачет в тотальной обиде. Ни на что из об-
становки у меня не было и условного права, тем любезнее было моему
сердцу ожий на хоккеиста в эдакой-то одежде, и
препотешно кудрявый. Нельзя было не смеяться, это было хуже ще-
котки, и сдерживаемый смех заставлял меня пятиться назад, что-то
пресерьезно отвечая идиотскому гостю Бродский,
..... конечно и я
тоже всегда казалось почему?

Почему всякую зиму меня так носит по городу, прямо как
этого Козлова? Козлевича?.. короче, этого, который потом стал ре-
лигиозный? Возле Общественного здания, где я всегда пережидаю
дождь, меня разворачивает не раз, и не два, юлой.

... А мы игравали в вещи в привольном городе, я припомин-
аю правила:

1. Играть как можно дольше.
2. Кто первый сказал “выиграл” – он выиграл.
3. Помнить свои вещи, не путать.

Если играешь с известным грузинским поэтом, правила
трансформируются, как это свойственно кавказской игре в какой-то
наперсточек:

1. Выиграл грузинский поэт.
2. Все вещи так и были его.
3. Играть всегда.

У меня во сне был друг мертвый человек – мертвец-покойник, немножко призрак. Он наводил на цивиллов чары и глюки, клубился и делал ситуации. Он растворялся и разлагался кислотной зеленью, все мог. Он пиздил в суперах тележки с горкой, а сам не ел, носил покойничий костюм и только торчал на джефе. Живую иглой – в мертвую кислую зеленую вену.

Жили мы на вилле, обманув хозяев, что деньги вышли из употребления. В кафе то же самое. Отходняков не было, так как общаясь с мертвым, становишься неподсуден и всяко легитимен идиотским невидимым поведением.

Но друг мой полюбил меня чудной любовью – как боги – и ожил. Глаза его зажглись, а вены потухли. Не стал он воровать и смеяться, бросил наводить чары и сбивать с пути холодильники мороженого Штраус. Хозяева виллы нас даже и не выгнали, а мягко отпустили. Прохожие нам удивились и не обрадовались. Измученный мой друг сожалел и любил, не торчал, не вспоминал иные эпохи, денег не было, но мы стали нуждаться. Уязвимые и смущенные, огляделись вокруг, и я проснулась, да.

Никакой морали быть не может. Это любовь. Это пройдет.
Тогда вернется свобода, а можно это назвать иначе.

Иногда я оставляю это занятие, а иногда возвращаюсь к нему. Военное время весьма и весьма располагает к встречам с ночными людьми, прогульщиками, дезертирами и азиатами. И японец в их числе – чуткий, ночной человек, видит себя со стороны таким, как успел запомнить – фотография на паспорт. А он не помнит сколько ему лет. Тем временем кончилась война. И японец письменно рассказал как его погубила японская женщина.

Эта женщина лгала и была “пафос”. Японец же сомневался и хотел быть “логос”. Для этого он приехал в Израиль, учить такую особо злобную математику. На уроке иврита на вольную тему он и предъявил отчаянный свой письменный отчет.

Я был бедный студент и любил женщину которая была акуджо. Акуджо это женщина японская, умная и сексуальная. Притом она все время лжет. Все время. Я очень сердит был на ложь этой женщины. Еще такие женщины несчастны.

Мою подругу звали Гинко. Я ее очень любил и забыл, только изучая математику в Израиле. В Токио была зима белый снег вода и я - бедный студент еще молодой. Гинко сказала: Как плохи твои ботинки, Торо! меня зовут Торо. Я ответил: Нет денег, нет на другие ботинки. Тогда она развернула теплые ботинки и сказала: Я делаю тебе такой подарок. Это тебе. Пусть тебе будет тепло зимою в Токио часто землетрясения вода снег. Но они стоили четыреста шекелей, а она ушла сразу к другому. Я долго носил эти хорошие ботинки.

Я женился не на Гинко, а на Мари. Мари была доброй женой, а я стал учителем математики на Хоккайдо. Я долго не мог понять, с чего это Гинко подарила мне ботинки такие дорогие. Тогда Мари сказала: Видишь ли, я хорошая жена, но я Мари. Я не Гинко. Ты меня не любишь. И мы развелись.

Гинко это пафос, она японская женщина акуджо. Я учитель математики, и я хочу победить пафос логосом. Я забыл сколько мне лет, когда ушла Гинко.

Восемьдесят шесть получил на уроке иврита японец за сочинение на вольную тему. Во сне он ехал поездом где все в галстуках, а он в джинсах. На последние деньги ехал под снегом в синем поезде Иерусалим-Кавказ-Хоккайдо. Он знал что в том же поезде едет Гинко. Только и всего.

Теперь я расскажу.

Может быть, Гинко – это я.

НОГА БАРАБАНЩИКА _____ тоже рассказ про деньги и любовь

Главное, знаешь ли, легкое дыхание
И.Бунин

182

В злочных местах – а в предместьях кружит синий Вобпа – в карманах города ковбои спят когда уже девушки убирают заведение перед открытием. Запах вчерашнего пива или, скорее, вечного пива поддерживает в девушках причастность к звонкому попустительству и они не томятся но весело ждут своей участи, которая чудится им столько же прекрасной, сколько и неизбежной.

Не тут-то было.

Жизнь протекает в предместьях. Вот именно протекает и образует гнусные водовороты, и Вобпа в синем лице уносит девушек за голову, что бы они там ни думали о участи и причастности, и – могут прятаться за стойку сколько угодно. Они придут домой переодеть чулки, а из-под скатерти выйдет Вобпа. Оторви лицо от стойки, спаси меня! Вобпа близко, в кустах самшита! Открой смех как лорнет на Вобпу!

Нет, дитя, я не оторву лицо от стойки, я сплю. Я спящий не красавец. Сама смотри в кусты самшита, мне неинтересен запах ужа-са предместий, я путешественник и у меня насморк.

Ну пожалуйста, переведи меня через автобусное кольцо, пока Смерть не показала мне туфельки в маленькую троллейбусную дверцу! Поговори со мной чудными словами, как никто не умеет у нас в предместьях, да ведь и в злочных местах больше молчат за цветной бумагой.

Нет, нет, я не поведу тебя через автобусное кольцо. Ты и сама говоришь чудно, да и не живешь ты в предместьях и не меняешь чулок дома у сытой тетки. Скоро я и вовсе уйду отсюда, мне будет приятно вспоминать, как ты дышешь и лжешь склоняясь к стойке, как ты горше всех плачешь. Ты мне говорила: ночь, Мага воет ползая под полами. Ты мне говорила: день, манжеты истрепались, как пойду на

работу? Возьми меня с собой, как все ковбои всех девушек из предместий – вдале от Вобпы, от тетки, от Смерти, от манжет, куда нас увозят ковбои.

Нет, любимая, да ты глупенькая, ковбои никого не увозят, у ковбоев вышит-выколот сладкий образ чужой девы и они вечно шляются, танцуя на месте, стараясь не встретить ни ее, ни какую-другую.

Не очень-то и хотелось.

А мне очень хотелось, и я взял бы тебя, блистательная с грязными манжетами, да ведь я не ковбой. Мустанг мой боится Вобпы, в сумке ржавеют документы, и я говорю с психиатрами по утрам, слышу их птичьи голоса изо всех стетоскопов.

Так что же с нами будет? О Ариадна, есть ли у тебя с собой нитка? А иголка?

ТОСКА _____ рассказ под LSD наутро

Это моё
В.Тарасов

182

Жёлтое солнце ночи заливает что ни попадя, а я хочу позволить себе тосковать. О милая когда! Соловей тоскует, но я хочу тосковать подобно ветви – у соловья одно горло, у ветви же тысяча глаз. Какие страшные ногти у твоей женщины, а лицо как спина – ногти у неё как компьютер, а спина как еврейское мыло, как лицо.

Но я хочу тосковать, я желаю метаться осознанно. Жёлтое солнце! где твой желудочный глаз? Как он любит женщину без лица какие утехи она требует зачем у неё на губах его спинной мозг? Брось меня в степи замерзал ящик брось Хиросима любовь моя брось меня тосковать подобно маньяку в подвале думает ещё семь мотыльков насильно в кетчуп и свобода свобода.

Я хочу мучиться но всего лишь вижу. Что ты видишь девонька? Смерть съела птичку но вижу я лишь победы бамбука. Я кошка, я не чувствую голод, а вижу изнутри провалы в своём мясе. Тогда я вижу мышь. шшшшшш!тихо. Малер умер на рассвете. Шнитке, глюки. Мелкие наркоманы. Такси в небесах с алмазами. Летит такси, кубики на лацканах. Дайте быстро разок обернуться на свободу! Э, нет. Кто не тоскует, тот не пьёт шампанское. Тоскуй!

Я родилась в городе, где излучина Днестра и каштаны и акации. Я родилась на тоску, а где она? Чего ещё выпить и снова? О только бы затосковать! Вот уже почти.

Стражи города сорвали с меня покрывало и как их впёрло! Герла, да ты же вся в масле! Конечно, в масле, не читали что ли? Читали да не то. Окстись, Лолита, мы социальные работники. Вы кто хотите, а мой возлюбленный государь всея Моссельпрома и Кентукки и ещё адвокат.

Не боюсь я социальных работников. Мой возлюбленный прекрасен как жёлтое солнце ночи как орден как ленточка как пла-

точек как семь слонов на прекрасном комодe жёлтом как слон тихом как Амазонка. Мой возлюбленный в белом плаще с кровавым подбоем вот чёрт кем же он работает Фельдкурат!!!

Пятый фельдкурат владелец заводов аптек пароходов. Он не работает, он рангe постмодернизма. Отдайте мне моего мистера! Возьмите, Луиза. А где голова-то, Патрик, почему только лошадь. Голову отрезало трамваем, мисса.

Ходют всякие, с них масло капает, лампа керосиновая, крыша стеариновая! Пойди к парикмахеру скажи спокойно: будьте добры почините мне примус! может быть я сумею затосковать. Почешите мне душу! Жениться вам надо, барин. Рано мне жениться, медленно встаёт. Быстро уходит. Fare thee well, and if for ever still... Онегин нашёл золотой ключик и теперь живёт в трубе. Воет по ночам от тоски по татьяне. Что такое татьяна? Это как женалуна. Как делает Генделев? женалуна. А Онегин воет в трубах, лает: татьяна, татьяна! тятя наши сети наши фудзи. Броня крепка и танки наши быстры. Кавалер хотел потосковать, вместо этого сложил танку из бумаги. Кто сложит из бумаги тысячу японских танков тот пидорас. Входит Миха в жёлтом шлеме и подозревает что все пидорасы. Что же выходит у всех по тыще танков! быть того не может. Не может быть.

ну по двадцать
ну по тридцать
ну ещё

Ещё пожалуйста! Тогда я.

НУ, ГЕРОЙ...

На самом деле, этот небольшой пучеглазый молодой человек был не так уж мал собой и не так уж близко ставил розовые ноги при ходьбе, да и воровать отлично умел, а танцевал неожиданно, крутя плечами как одесский лох. Чем-то он заслужил наши насмешки и презрение и брезгливую зависть. Реклама, правда, сильно повлияла на его мировоззрение, не оставив даже места хотя бы голливудской сливочной морали.

Так, например, нашего малыша любила хорошая женщина, такая хорошая – ей бы рекламировать стиральный порошок, а не любила уж такая плохая – прямо потенциальная убийца Майкла Джексона. Она любила другого – в смысле совсем другого, он так отличался от малышей представлений, что не попал бы и в программу “Они употребляют холестерол”. Малыш, конечно, любил эту плохую – и страдал неумеренно и суетливо. Зрачки его куриных глаз сужались и расширялись, как у задерганной собаки Павлова, и он уже не заикался, а так – вообще зря двигал ртом. Между прочим, он когда-то учился на истфаке МГУ и если бы не та горестная нежность к себе, которую люди часто путают с интеллигентностью или там любовью, был бы историком знаете ли в халате и с покорной женой. Но наш, с позволения сказать, крошка Цахес метался, фарцевал, менял цвет своих чудных красных феиных волос и более утомился от выдумок о себе чем от скудных, признайтесь, вы, обе, событий.

И так, выйдя из еврейской квазитюрьмы, он докатился до встречи со своей плохой, даже хуже него самого, героиней (хи-хи). А она была роковая женщина, несмотря на общую плюговость и грязные ногти.

И куриный наш мальчик задрожал. Задохнулся и едва не женился на хорошей, ровно его содержавшей красавице блондинке. Тут за моим плечом встает шестикрылая Петрушевская – хорошая немедленно родила малышу сына, а плохая сделала медицински непостижимую серию аборт, только потому, что ей нравился общий наркоз. Ах, но она произносила слова лжи, нежнейшей нежели стро-

гая классика любви. Ласки их были трогательно неприличны. _____
_____ Ну, она плакала и улыбалась, как живая, но малыш догадывался почему. Малыш ненавязчиво попытался ее убить, незаметно для себя, но шаткое на первый взгляд здоровье устояло, а она тут кстати и ушла. Все скомкалось – и наше повествование, и жизнь незадачливого персонажа, да еще и погода стала летняя, когда во сне жмешься к прохладным стенам. Сын малыша научился ходить, держась за бортик respectable манежа, его хорошая мать продолжала считать крошку Цахеса интеллигентом и поддерживать материально, а что до выжившей истерзавшей малыша нахалки – ну, она так же ровно и нежно относится к окружающим людям, сбитым сливкам и другим своим маленьким радостям. Только стихи Бродского вяло ассоциируются у нее с мучительным профилем малыша, где ноздри рифмуются полноценно с глазами. И она улыбается.

Автор желает всем счастья, как любимый малышом Довлатов. Автор вполне искренно сожалеет, что ничего опять не придумал, а все как было. Автор, впрочем, не надеется, что все кончится хорошо.

ЦИРК ДИЛЕТАНТОВ (орден)

Действующие лица:

Зайчик – солдат, выгоревшие волосы, склонен к головной боли при которой перевязывает лоб бинтообразной тряпкой (не шарфом и не цветным лоскутом). Жаждет поводов для страдания и проявления добросовестности, а также для подведения итогов. Играет роль бедного – сразу солдата и студента – но знающего толк в удовольствиях человека. У него потеют руки, лоб низкий, трагические брови.

Белочка – намеренно инфантильная, постоянно как бы косится в предполагаемую камеру. Носит одежду, съезжающую с плеч, разнообразно курит. Интонации преувеличены и провинциальны. Сногсшибательная доверчивость и покорность судьбе составляют ее шарм.

Полковник Гарсиа Маркес – молодой человек лет тридцати двух, с бледным жирноватым мелкогенитальным телом, одновременно светливый и скучающий. Со стороны кажется, что он быстро бегаёт. При себе имеет очки, шейный платок и множество других небольших предметов.

Ежи Клементий и Фока – свита Полковника – замышляющие недоброе старообразные подростки с соответствующими стрижками. Глумливо-исполнительны.

Лошадь – принадлежит Полковнику, неопределенного пола, индифферентное и громоздкое существо. Разговаривает с видом лошади.

Будулай – коварный и хитрый азербайджанец, соблюдает нейтральную позицию по отношению ко всем, т.к. давно отчаялся. Его звериные повадки вызывают у зрителя иллюзию, будто бы он что-то вроде автора или Фортуны.

Соседи Зайчика – мелкие активные люди, в противоположность

Соседям Белочки – давно пришедшим в отчаянье от Белочки и коммунальных услуг.

MESSИДЖ

Денис! Как ты думаешь, на какие деньги я покрашу волосы? Ты сказал, что ты придешь в пять. Щас семь – 7. Что ты себе думаешь? Я в отчаянии – да, и волосы уже бросаются людям в глаза. Что они себе подумают? Они подумают – ишь, она за собой не следит. Что она себе думает? Ува!

КАЙФ

Мочу прихлебывай.

Глуп – купи ума.

Цветы растут из дерьма.

Алексей Каренин (из поучений)

1

183

Меня все обижают. Меня никто не любит. Как мне обидно! Вот как мне обидно: я сижу и плачу громко-прегромко, и взываю: вот как меня все обижают! вот как никто меня не любит! Они же продолжают меня обижать как ни в чем ни бывало. Потому что они меня не любят! ой! ой! не любят, а обижают. Другой раз я было успокоюсь, а они как обидят в сто раз больше. ААААА! Не любят они меня. Вообще, никто меня не любит. Некоторые даже не обижают – им до меня нет дела. Это самое обидное. Один раз я заметил – у меня не жизнь, а одни злключения. Я хотел их записать в виде списка, но Кайфман украл у меня штепсельное перо. Я хотел позвонить Кайфману в студию, но он украл перо, прежде чем продиктовал телефон. Тогда я решил позвонить в справочное и спросить у них студию Кайфмана, однако Кайфман зачем-то взял диск от телефона, видимо, чтобы обводить и делать круглые части Зебры, которую он рисует еще с тех пор, когда не был привычен так часто воровать. Я относительно долго сомневался идти ли к Кайфману пешком, но тут у меня начался жуткий запор и пришлось сесть и какать. Я какал и какал и через два часа накакал жалкую какашечку, такую беденькую, что невольно простил Кайфмана и лег спать.

2

Однажды – когда еще существовали люди, относившееся ко мне лучше, чем подлый Кайфман – я был богат и весел. Тогда у меня было много-премного денег и я ежедневно пил кофе с булочками. Не то сейчас. Сейчас я слаб и беден и все меня обижают. В кабаках меня

особенно не любят – стоит заказать кофе с булочками – они меня хватя и давай бить, а когда устанут, то зовут из соседнего кабака и тогда те бьют. Но они не отучат меня от любви к кофе и булочкам.

Я так или иначе, а начинаю свое утро с того, что заказываю в ближайшем кабаке кофе и булочки. Я вхожу и говорю – кружку бочкового кофе и булочек, булочек!!! И кидаю свою велюровую шляпу на стойку. И тут они хватя и давай меня бить. А хрупкая официантка знай топчет шляпу. Один раз, топча шляпу, она упала со стойки и разбилась, насмерть. Ее еле-еле откачали. Теперь у нее протез шеи и все движения неловкие. Но она упрямо взбирается на стойку и переминается на шляпе. Прямо как Маресьев или Гердов. Когда, весь избитый я выхожу на бульвар, там я встречаю злобную старушку, которая полна предрассудков и в частности полагает, что мучное – это сдобный яд, а кофе среднего рода, и она-то, шипя в надежде отравить меня, угощает меня кофе и булочками. Булочки свежие. От свежего мучного бывает заворот кишок. Эх, старушка – думаю я, съедая смертоносные булочки – ведь у меня еще в детстве вырезали все органы и вшили супербутылочки! Эти бутылочки хуй сломаются. Им твои булочки незаметны как летний ветерок.

Наевшись сполна булочек, я возвращаюсь в кабак и показываю им страшные вещи, я их бью ногами и руками, стульями и кошками, а парализованную официантку тычу вилкой. Теперь вы поняли, почему они относятся к моему заказу с предубеждением.

Усталый, но достаточно агрессивный, я возвращаюсь домой. Когда я был богат и весел, я занимался любовью. Теперь, если вы еще помните, меня никто не любит, все меня обижают. Только одна дура постоянно приходит ко мне, надеется встретить Кайфмана. Окстись, позорная! мысленно думаю я. Но она упорно ждет. Дожидаясь Кайфмана, она моет и готовит, но я успеваю все насорить обратно и съесть удавшуюся пищу и поэтому, когда Кайфман все же приходит, ей делается неудобно и она садится ко мне на колени. Поэтому Кайфман считает вот уже пять лет, что она моя жена. Он старается реже приходиться, особенно с тех пор, как Цилечка – так зовут эту идиотку – родила какого-то уродца, которого Кайфман называет «твой очаровательный сын». Лицемер! а я считал его другом. Но меня никто не любит, даже Кайфман, хотя мне всегда казалось, что у него нет выбора. Последнее время Кайфман сюсюкает это ужасное существо, одетое в какие-то китчевые тряпочки. Норовя меня обидеть, он не только предпочитает его общество моему, но и сравнивает наши черты лица. Несколько раз я решал выбросить Цилечкино существо в

помойку, но я не в состоянии взять его в руки, так оно мерзко.

Господи, как мне плохо! Например, эти приступы запора...

Иногда я думаю, что про бутылочки мне наврали и у меня просто кишки. Но я стараюсь об этом не думать. Цилечка постоянно суетится. Видно, любовь ее к Кайфману совсем скрутила ее, беднягу. Чтобы отвлечься, она приводит своих родителей, и они все вместе меня обижают. Они всякий раз приносят этому Цилечкиному ребенку всякие различные игрушки. Я пробовал сломать, но не знаю, как они устроены.

3

*а если одна из этих дырочек
закроется или не вовремя
откроется – трудно будет
стоять перед Твоим стулом.*

(говорить Ему по утрам)

Вопреки своим многолетним уже привычкам решил я утром взять с собою денег. Вначале я думал: и где их взять? а потом – и куда же положить? На первый вопрос я ответил на диво быстро – я позвонил Кайфману и говорю: Кайфман, дай денег, ну – приходи в гости и дай денег. Кайфман, пораженный, согласился прийти в гости, но насчет денег я понял что у него все деньги у мамы, а нужно еще покупать еду котенку и вообще идти далеко, и он боится истратить все по дороге. Я подумал – может оно не изменять многолетним привычкам? И вижу вдруг, такие круглые пять шекелей лежат возле телефона! Это Кайфман прошлый раз оставил, чтобы не тратить по дороге – он тогда не знал, что я способен изменить многолетним привычкам. Уселся я неподалеку от ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ и стал распарывать карманы на джинсах. Цилечка после передачи о самоубийцах зашила мне все карманы. Так она заботу о Кайфмане сублимировала. Не до конца конечно – будь я Кайфман, она мне пуговицы поролоном обшивать бы стала, это они особо рекомендовали.

Положил я ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ в надпоротый карман и вышел. С деньгами.

Думаю, интересно, сколько кофе стоит. Булочку я решил за деньги я не фраер покупать. Тем более, где ее взять, вчера утром мы с Цилечкой все булочки собрали по улице – вышли на рассвете пройти, ее ребенок так мерзко орал, – а тут грузовик Анджель огромный

мешок булочек как кинет на асфальт. И так раз десять. Насилу мы домой все это отволокли. Цилечка так объясняет – у них перевыработка булочек и они специально раскидывают, чтоб в цене не падали. Цилечка все что хочешь объяснит – ей несчастная любовь все мозги извилинами избороздила.

Да, отвлекся я от непривычных мыслей: сколько стоит кофе? Думаю – увижу, где все пьют и спрошу. В тот кабак я решил не поиду. Не подам виду, что способен изменить многолетним привычкам. Но не пришлось выбирать. Гляжу – нигде никто не пьет не курит. А ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ разогрелись в нетерпеливой руке моей.

– А ты не сумлевайся, милоч, не сумлевайся – старушка идишная подвалила – ноне судной день!

Идиша я не знал тогда, но что-то к горлу подкатило. Вижу я люди в черном с волосами такими узенькими подходят ко мне и улыбаются эдак кагэбешенько. И я побежал. Очень уж я боялся, что деньги отберут. Судной день и есть.

Дальше мне уже Кайфман рассказал. Он меня дома не застал и пошел, где метро строят, рельсы рисовать. Видит, блестит там ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ. Спустился он как мог, схватил монету и полез наверх, а за ним и я. Я туда упал и только вот тогда в сознание пришел, когда Кайфман, лезучи, напугал.

Больше я денег с собой не возьму.

«ХОЧУ ЕСТЬ!»

хочу есть хочу есть хочу есть хочу есть хочу есть!!!

очень хочу есть!!!

еды!!!

Например даже кефир – !!!!

Я не ем уже давно даже томатный сок ведь он еда...

Я так хочу есть...

Никто не приходит меня жалеть.

А между тем в холодильнике до хуя потенциальных пельменцев... Но я горжусь своей силой воли и будучи как бы Маресьевым из последних сил отползаю от еды. Сколько еды вокруг! Много, много еды. Все съедобное, и все вредно моему организму. Теперь я больше никогда не буду есть. Ведь я уж сколько не курю. И не пью. Теперь осталось потихоньку не есть. Тогда, кстати, кислород тоже не понадобится. Но пока что я очень хочу есть. С другой стороны, вначале и курить хотелось, где-то с месяц. Ну хорошо, месяц меня будет терзать абстинентный синдром. Зато потом наступит пора пожинать достойные плоды. Они все охуеют – как я бросила есть! Они еле пережили, когда я бросила курить. Но пока я бы поела скажем чего-нибудь легкого в виде отбивной. Моя бабушка всегда говорила, что она делает отбивные как пух. Но она запрещала их есть без хлеба. В этом есть своя логика, тем более, если вприкуску со свежей редисочкой. О чем это я? есть вредно, тем более, сейчас, то-олько начали выходить шлаки, а вдруг пожар!

Так хочется есть. Однако во всем мире поэтические натуры отродясь не ели. Даже не из-за шлаков, просто противно. Разве эдак перекусят небольшим персиком. В те времена два раба с трудом переносили гроздь винограда. Про персики ничего не сказано. Ну, допустим. Когда мы с папой были в Ялте, мы персиком завтракали. Потом мы пили кофе со слоечкой, потом чебурек, потом ехали на пляж. Уже потом мы слегка обедали. Также и святые не едят. Они едят акриды и дикий мед. Потом еще птицы приносят святым цветы и, я думаю, яйца. Кстати в холодильнике есть девять яиц. Этого предостаточно, если перевести в шлаки.

БЕЗЗАЩИТНЫЕ И ХЛАДНОКРОВНЫЕ

*Она продает морские раковины
(скороговорка)*

Мелководные какие светлые улицы, множество бесполезных выходов, поворотов. Почему, где золото? где уголь настоящих небес, чтобы вверх далеко, как на север? Ненавижу нестрашный город, городок, слабенький пастельный, заебало, хочу красный квадрат, музей в метро, хочу бояться прохожих, а прохожие гуськом да цыпочкой карасики.

КАРРАСИКИ

или с двумя эс?

Чего в такой ситуации говорить о любви? Карасики же это, во-первых, беззащитные, во-вторых, хладнокровные (а может быть, это взаимосвязано). И бог в этом городе близко шевелится как люстра с тысячью глаз и неловко. Где, где железные чугунные часы и сетчатые лифты с зарезанным негром и яркая кровь и сразу всё?

(зачем я это ел вообще зачем зачем Куда опять)

Отпустило. Нет, наоборот. Не важно вот она. Считает небольшие деньги маленькими руками. И три этажа надо мной как триста и небо и земля размыкаются полночным мостом Пиздец пиздец. Она не поедет ко мне домой.

Они сидят за тонкой столешницей в буфете, она держится за сердце.

– Могут мандавошки дойти до сердца, – спрашивает она.

– Грибки, – он отвечает, но сердце ведь и правда болит. Если бы не сердце, ей было бы скучно. Ее забавляет мысль упасть в буфете общественного здания.

А что же нас с тобой связывает что нас с тобой связывает что нас связывает и я думаю что меня с ней связывает но нас ничего не связывает нас ничего не разделяет, может быть ее не существует о если бы что меня с ней связывает она хочет мороженого нет пива о

пусть она ест пусть но что нас связывает она меня целует нет обнимает нет она что-то говорит до сих пор говорит может быть любит нет она говорит Пойдем я буду пить Хайнекен, да? Да.

По дороге она обсуждает фильм и марки американских машин заходит в лавку что-то спросить, тихо думает, он оборачивается: витрина, Бриллианты Бриллианты.

– Мне плохо без тебя и не хочется жить, – монотонно говорит он.

Бриллианты.

Они едят. – Знаешь, я всегда представляю тебя, когда занимаюсь онанизмом. Она косится на вилку, врет. – Так что теперь я гляжу на тебя и вовсе представляю онанизм. Она думает, кто будет платить.

Очень вкусно. Вкусно обоим. Он уплатил, и она задумалась, не поменять ли ей марку сигарет. Он не понимал, почему же ему не хочется ее сейчас же трахнуть. В кафе было совершенно пусто, но они не заметили этого ничуть.

Чуть не сели в мой автобус, но все же сели в – ехать к ее друзьям, провожать ее. Я взял ее за грудь из чувства противоречия, и она билась как рыба целиком, и я в восторге сказал – это плохо кончится.

Да ну – искренно ответила она, – хуйня какая, нормально. Я дернулся и плакал чувствуя как боль шуршит вдалеке и все громче громче. Раньше ей доставляло удовольствие утешать меня и унижать, и мы вовсю развлекались, а тут она вежливо смотрела в окно, и я понял что я люблю ее странно что произошло буквально теми же словами какими я всегда говорил и я хотел ей сказать, например, это сказать или хотя бы плакать.

Он решил проводить ее еще по лестнице и вдруг жалобно и удивленно вскрикнул «хочу» и прижал ее к себе, хватая. И какое-то время это продолжалось вечно, а потом прекратилось.

Эти города, грозные города, я понял, не существуют нигде кроме ее зрачков, даже в ее душе. И я столько времени глядел на грохот трамваев и ликовал, и выронил это волшебное стекло из сказок Хоффмана, и только обернувшись назад, я посмотрел, как она неловко поднимается по ступенькам в темноте, и представил себе, что она была красивая и, возможно, живая.

У Б И Л И, Д А

Амазонка протекает в неприглядных ущельях вроде выпущенной гундры.

Я спокойно прогуливалась по узковатому мшистому берегу шелестя клетчатой одеждой как тут из горного переулка выскочил довольно молодой человек, которого я в тот момент втайне очень боялась, и стал подманывать меня к воде. Берег был скользким. Я пошла к нему, то есть собственно к воде и он высоко подпрыгнул, ухмыляясь и увлекая меня за собой в воду.

Вода была чересчур теплой и глубокой, но он и под водой продолжал прыгать, чтобы меня хуже запугать. Я сделала несчастный вид, исподтишка дыша воздухом из-под рубашки, и наивный убийца уплыл прочь, а я додышала воздух и тоже уплыла. Однако меня начали мучить предчувствия.

Чтобы заглушить параноидальные настроения, я пошла в большой кинотеатр, и с независимым жестом надкусывая пирожное, уселась в фойе. Было весело, звучала музыка.

Но предчувствия сбылись – вошел, рассекая июньский вечер, отряд арабских террористов. В руках они держали рогатки и дипломаты с взрывчаткой. Двое террористов выделялись бледностью лиц, нарочито сплоченной походкой и очки у них сидели криво. Один из них держал синий совочек, а другой указал на меня пальцем и брезгливо сказал – да это же Анечка! Эти двое оказались на мое счастье Гольдштейн и Ротенберг, дилетанты-постмодернисты. Они заплатили шестьсот шекелей чтобы поучаствовать в теракте и они меня спасли. В общем, они оба относятся ко мне с неприязнью, но им показалось что сорвать теракт более концептуально чем в нем участвовать.

Я так устала от вежливого разговора с Г и Р что даже не отреагировала на тот факт, что работодателем террористов был тот самый негодяй с берегов Амазонки. Расслабившись, я пошла в гости уже не помню к кому и в гостях сразу пошла спать.

Однако, войдя в спальную комнату, я увидела что из-под тяжелых пушистых штор высовывается пара знакомых ботинок с алы-

ми шнурками. Ужас охватил меня, и я попятилась.

Я еще надеялась поспать до того, как меня убьют, но молодой человек в ботинках мелкими шажками вышел из-за шторы. Большой деревянный пистолет он направил себе в рот, а маленький прозрачный алюминиевый мне в глаз. Прозвучал робкий выстрел.

Неприятный и с отросшими волосами он долго выращивал, выхаживал и приручал зверушек, чтобы они его полюбили, а лицо-то у него грязное и с лопнувшими капиллярами.

Тогда он вышел на опасный перекресток, где самые зловещие полосы перехода и обманул своих животных, главным образом кошек. Он как-то их оставил с четной стороны пока они ели лакомства. Сам перешел, в своих полотняных штанах, а зверьки с сарделькой остались на четной стороне. Когда я подошла, несколько зверьков совсем размазались по полоскам перехода, белая фарфоровая Кошка Кот вернулся назад, залитый кровью пополам, и только один небольшой котенок добрался до Неприятного Настораживающего типа и вилял от счастья хвостом. Кишки, однако, волочились по теплomu асфальту.

Машины ехали вовсю, красные и синие и даже грузовички, и летний день шумел. Я пошла оттуда спиной, а потом повернулась и побежала, уговаривая себя, что все равно ничем не помогу зверушкам. Неприятный похожий на режиссера человек погнался за мной. Как назло рубашка оттопыривалась у меня на спине, видимо вследствие невероятно быстрого бега и жесткого ветра, и Неприятный своею потной толстой рукою приладил мне туда несчастного кишечного котенка. Я встряхнулась, котенок скользнул кишками и упал подергивая лапами, хотя я этого уже не видела, а бежала по бульвару посыпанному гравием. Когда стемнело я села неподалеку от стенда с бледными афишами. Очень хотелось настоящего эскимо, немного круглого, но мешало сознание что я плохо поступила по отношению к зверушкам Неприятного-Гнусного а, возможно, и по отношению к самому Неприятному-Неопрятному лично.

ПРЕВРАЩЕНИЯ МУМРИКА-ДУМРИКА

Однажды в городе Санкт-Петербурге Борик очень любил сахар. Сахар доставался не просто. Борик залазивал на стул, слезал, ставил рядом еще стул, на него еще маленький стул и уже с этого маленького стула Борик мог достать сахар, который его бережливый и умный отец ставил на верхнюю полку книжного шкафа. Борик ел сахар рукой, и ему приходилось еще вдобавок озираться, как бы бережливый и умный отец не отобрал сладкий сахар и не вымыл Борику руки. Или могла подкрасться Евгения Петровна и дать Борику булку с маслом, раз он уже проголодался и ест.

Однако эта жизнь была налажена и Борику каждые полчаса доставалась его порция сахару.

глава вторая

Борику подарили альбомчик. Два похожие альбомчика. Там были наклеены вроде японские журавлики и другие зверушки. Некоторых можно было осторожно оторвать и отдельно играть. Тут как раз приехала Борикина очень умная и сообразительная сестричка, которая как раз любила все отрывать и отдельно играть. Она моментально оторвала из альбомчика коричневую белочку и стала ее показывать недовольному Борику. Он стоял возле шкафа, откуда его снял бережливый и умный отец. Борик посмотрел сквозь слезы на белочку из японского альбомчика и сказал: Это – мумрик-Думрик. Он меня съест. Конечно, Борик был не совсем прав. Мумрики никого не едят. Но Борик спрятал ручки за спинку и ушел. Тогда его сестричка сообразительно встала на стул, взяла сахар и посадила на сахарницу белочку. Теперь все могли оставить охрану сахара – Борик боится белочки и не сможет лазить даже на стол. Борик вошел в комнату.

глава третья

– Это мумрик-Думрик, – с трудом сказал Борик, спрятал ручки за спинку и задом убежал в свою комнату.

Тогда умная и сообразительная сестричка раскаялась. Она подошла к плачущему Борiku и развернула бумажную белочку. Получилась квадратная коричневая бумажка с дырочкой посредине. Борик глянул на бумажку и на сестричку.

глава четвертая

– Это мумричная бумажка.

глава пятая

Сестричка сжалилась и порвала мумричную беличью бумажку. И выбросила в унитаз. И для верности спустила воду. И уехала.

Продолжение

На углу платяного шкафа и буфета сидел Борик и любил свой велосипед. Он крутил его колесико и пускал в том же ритме пузыри: жжжжжжж--брррррррр! Велосипед стоял вверх колесиками в том самом промежутке между шкафом и буфетом в городе Санкт-Петербурге и Борик боялся менять его и свое положение. Если велосипед поставить вверх не колесиками и вытащить из-за шкафа, а Борика усадить на сиденье, то по привычке велосипед сам собой повернется вверх колесиками, а Борик уляжется рядом с колесом и начнет пускать пузыри. Борик устал заниматься велосипедом и пошел позвонить доктору Хайдеру и Горбачеву. Борик звонил им каждый день, рассказывал о плохом положении своих гусаров и вредности родителей. Доктор Хайдер и Горбачев слушали с интересом и Борика не прерывали. Борик хотел было рассказать, как он пописал на Ценные Рукописи Бережливого Отца, а бережливый отец выгнал его за это на родину – в скушную Борикову комнату. Но вдруг раздался неуместный смех.

ПЕНКИ

1

Знаешь ли ты, Саша, что в далекой Гватемале все балауры питаются серыми кактусами? Вряд ли. А что вся Африка погрузилась в полярный день? Специальные радары транслируют его (п.Д) из Норильска в Сахару. Но может быть, ты знаешь то, что знает каждый марокканский ребенок? Что Израиль переходит на японский мандат? Знай! Знай же хоть это, ведь совсем ничего не знаешь. Твое невежество перешло все возможные границы, включая географические пунктирные линии всех цветов. Мы, твои доброжелатели, решили помочь тебе и спасти тебя от неминуемого удивления, если вдруг тебе довелось бы узнать все сразу.

Наш первый урок не заставляет себя ждать. Сообщаем о себе.

Елизавета Пищик-Кладбощик

Акива-сан

.....

Сан-Диего

Ульянка Грей-Фруктман

Мы еще встретимся!

2

О губительных свойствах брюк

Братья и сестры! Сегодня, в стапятидесятитрехлетие со дня смерти шестого воплощения Арджуны настало время поговорить о том, что загрязняет ауру Нашей Голубой Планеты. У нас, в светлой

студии Рейдман Центра – дискуссия. Дискуссия о том почему именно Брюки так страшно патологизируют геологии, нарушают симметрию имманентной мистичной присущности, умножают карму, и, как ни горько говорить об этом в радостный день публикации нашей статьи – приводят к Тристослоисности.

Игорь ШриЗассыука: Давайте обратимся к моему готическому трактату о шерсти мертвых и живых животных Увы, больше ничего не известно. Обломка Тристослоисности хватило только так. Следующая встреча дискуссионного клуба с читателями – потом.

С приветом
маг Козленный

ПИСЬМО – 98

183

Что касается любви, то настоящая любовь нечувствительна к слиянию, т.е. самое тесное общение немногим радостнее разлуки, потому что, мне кажется, расстояние между двумя людьми настолько непреодолимо, что не важно уже равняется ли оно годам или минутам, вытянутой руке, семидесяти ли километрам, трём ли тысячам, или даже смерти нас обоих и тех маловнимательных свидетелей, на чьём фоне наши нелепые танцы, наше надуманное отчаяние и наша детская, приправленная цинизмом, чтоб не сказать снобизмом, надежда... Всё это я пишу сейчас от имени всех нас или только от имени нас двоих – самых бесчувственных, лживых, неживых, меркантильных, предающих без сладострастия, по привычке, симулирующих смерть, ностальгию, талант и оргазм, наркоманию и сексуальные извращения, прикидывающихся красавцами, мечтающих о воображаемом былом, бросающих друзей и тоскующих, например, о потерянной сезон-другой назад зажигалке, грошовой зажигалке с алой рыбкой на охристом фоне, господи Боже милостивый, до слёз.

Итак, так мы встретились и обстоятельства нашей встречи не нравятся нам до сих пор, до сего дня, хотя казалось бы, близятся (см. братьев Гримм) куда неприятнейшие обстоятельства неизбежной и окончательной разлуки. Бог дал нам бледные и наивные тела, и начнём с этого. Я не скажу сразу и наизусть, кто рисовал таких Адама и Еву (заблудившиеся в трёх листьях! Схожие нездоровым сходством – несвежим взором, одутловатой и неразвитою кистью руки). Но, прервав упоительный автопортрет – когда мы нарисованы на картонке навечно, а пейзаж с натюрмортом наперегонки ловят “птичку” из лейки <.....> – скажу что нет среди смертных никого желаннее нас, нет притягательнее недоделанной горечи наших тел и души, и мы тем более смертны, чем желанней, и наш близорукий, отталкивающе беспомощный взор в момент смерти напоминает взор засыпающего щенка, одинаково карий у обоих.

Люблю тебя.

Мы ни разу не спали вместе впервые. Мы никогда не предстали пред Богом – и вряд ли будем. И людьми. Перед Богом и людьми

ПИСЬМО – 91

Дана! Я спрашивала у В.Т. как Вы поживаете, но представление получила не о Вас, а о том, как В.Т. понимает вселенную (все божьи твари являют как бы сложный спектр, эдакую радугу над новой terra и условно, допустим, красные достигают оргазма от стихов В.Т. уже в наши дни, а у каких-то сиреневых есть на это шанс лишь в XXI веке). В связи с этим я притворилась хорошей, но, увы, боюсь и XXI век ни в метафизическом, ни в смысле 1 янв. 2001 г. не сделает меня курсисткой, прижимающей к сердцу этот скромный томик с таким изысканным автографом. Всё вышеупомянутое нни для печати. В.Т. – привет, скажите, что получили от меня несколько слёз восторга в коробочке из-под леденцов [они (слёзы) разноцветные, но нни-сидобныя].

Я сижу дома, читаю и жду пресловутую медкомиссию, которая проделывает во времени то же, что Машбир в пространстве (если Вы пробовали зрительно на него ориентироваться в пеших прогулках). В армии у меня никто не спросит, на каком основании [это] [вдруг] я не учу лингвистику и не выхожу замуж за хорошего парня (люди бывают двух типов, которые различаются выбором вопроса).

Ещё я встретила Аптекман. У ней такая маленькая грудь (*adagio con tristezza*). Правда-правда, вот не сойти с этого места – если с той – *dark side* – стороны свитера пришить две пуговицы и полученный продукт надеть на резиновую грелку, но без воды – то получится торс поэта М.Аптекман. Особенно если налить совсем чуть-чуть ледяной воды. На самом деле, она была мила и я надеюсь, что принесла ей и человечеству пользу тем, что отвлекла её на час от создания «*tekthtov*».

Я Вам посвятила (?) 2 (два) стихотворения, одно в следующем номере того, что издают Дёма и Шаргородский, а другое лучше.

Вы совсем какая надо. Привет Вашему мужу, я не знаю через «и» или «е», – Н...коду. На чем светская (или антисветская) часть невязчиво переходит в <около>литературную...

Стыдно признаться, я впервые прочла Е.Шварц две неде-

ли назад. Увы, отыграно куда больше полей, нежели я ожидала. Это моя была фрустрация!!: «Жить себе тихонько, пить да ногти грызть». Хочу быть ковриком Е.Шварц. Этот предмет, право, ближе к литературе, чем я.

Прилетел летающий таракан и летает (это №3).

Бокштейн. Бокштейн неописуем. Бокштейн поёт. Бокштейн мне рассказал, что Дантес был влюблён в Н.Н., шлялся и не слушался царя, а потом убил Пушкина, который был муж Н.Н. и тоже не слушался царя, хотя царь всегда давал ему деньги издаваться. [Пушкин – литератор (моя догадка)]. Предлагаю рассказать эту сплетню всем, кто упоминает имя А.Горенко не в том контексте. Пусть обсуждают, был ли у Дантеса просрочен паспорт, etc.

У меня нет сигарет, не то бы я писала ещё полжизни. Большой привет и просьба передать прилагаемое спасание В.Т. (Какое я одинокое сердце, о!). Спасание передаётся не при Рути («драгоценная спутница его жизни»). Спасибо.

Анна Горенко

КОРОТКО О ПРОЗЕ А.ГОРЕНКО

Собранная здесь проза значительно превосходит объём соответствующего раздела МС. С тех пор прошло немало лет, к тому же за эти годы кое-что всплыло, к примеру, письма. Я поместил почти всё из известного мне. Без экивоков и стеснения. Лишь какие-то малопонятные куски оставил в стороне. Править пунктуацию с дотошностью и азартом не в моих правилах, значков-то хватает, но в избытке своём запятыя царапают глаза. О судьбе некоего большого куска (ходили слухи – начало повести или что-то в этом роде) мне ничего неизвестно.

БАЛАГАНЧИК. Сдаётся мне – год написания 1998, лето. МС 2000. Ватик (ивр.) – старожил; ватичка – гебраизм; эйфо (ивр.) – где; шикун упитуах – отдел жилья и благоустройства при муниципалитете; олим – ивритское слово известное повсюду, даже в хрустальных иглах Ultima Thule, означает – репатрианты (м.р., мн.ч.).

Эта умопомрачительно реальная история изложена поэтессой в настолько изящной конвивальной манере, что не поблагодарить автора сценария и его «исполнителей» за весёлый, а то и праздничный настрой, которым награждён читатель, невозможно.

«**БРОДСКИЙ**». 1998, май-июнь. МС 2000. Название этой прозы условное, было вписано карандашом на одной из распечаток, причём – не как титул, а в углу. Более того, по-моему, не её рукой. Но этот факт сбил с толку едва ли не всех, включая меня. И породил жёсткую полемичку, в которой, опять же, все оказались неправы...

Чудо тискать, чем не сахар – цитата из моего стихотворения “Когда один к себе иду”, Анечка признавалась, что оно одно из любимых ею. А вот образец изящной квазицитаты – *о почему у этих улиц так неприличны имена?* Если не найдётся другой источник у этой строки, то перед нами явный пример блестяще сыгранной роли. Причём *неприличны имена* – так непривычны!.. *Поэта заводит речь* – само собой,

цветаевская строка (с пропуском слова из оригинала). ...и, *припадая на а, повёл словесный форплэй* – см. комм. к стих. №89; любопытен также пример, вовсе разительный [стих. *Первый верлибр*, 9 строка, где «а» в написании её имени, произнесённым автором этих строк, неожиданно удваивается]... Рассказ соотнесён с реалиями 1989-90 годов. Среди прочего, *безногий сосед* – действительно проживал там раненый, подорвавшийся на mine Володя (фамилию я запомнил), с покаленной стопой, а (пох)ожий на хоккеиста гость (*идиотский*) – это я, появившийся в их закоулистой на троих-пятерых квартире, где героине ничего не принадлежало. Не исключено, что я зашёл к знакомым при ней впервые. О том, какой же разговор произошёл в ту встречу между гостем и героиней, остаётся только догадываться: не помню ничего, фамилия Бродского в ходе разговора могла прозвучать запросто, как и любого другого поэта, известного на тот период Анечке или нет – не важно. Выше, в комм. к стих. №89, я уже отчасти рассказал о ярких некогда выяснениях отношений А. с Бродским, точней, с последствиями его влияния на литературном пространстве, не разделяя при этом всеобщего глуховатого восторга. Подчеркну, некогда. В 1990. Но не в 1998 году.

Засим – слова Е.Сошкина: «В прозе “Бродский” И.А.Б. – тезка Сталина – объявлен грузинским поэтом и превращен в *бессмертный, уже мертвый* осиновый шкаф (затем что *грузин любил осин*), подобно гр. Толстому из “Представления” Бродского. Здесь же, в порядке полемики со стихотворением “Натюрморт”, затронута тема реализации вербального потенциала...» и т.д. Казалось бы, в подробном анализе [здесь я не могу его полностью привести, см. «Солнечное сплетение» №5-6 (24-25), Е.Сошкин: «Ответ вдове поэта»], все детали пригнаны одна к другой и неплохо складываются в целую картину! Рассказ заканчивается достаточно безнадежно, вариант не-выигрышный в игре убедительно автором показан, хотя с «бродскостью» ни стиль, ни образ мысли А. никак не вяжется. Но если с одним прототипом можно согласиться, то со вторым персонажем сложнее. Лесоруб ли там?.. А что если под эпитетом загаён намёк и на Мандельштама тоже? В этом можно убедиться, перечитав мемуары Одоевцевой «На берегах Невы», главу 16. Осенью 1920 ОМ вернулся в Петроград после своего вояжа в Крым (а заодно – в Грузию, а на обратном пути и в Киев). Оттуда же, из этой поездки, привёз «Тристии». Его друзья, в свою очередь, вечно давали ему различные прозвища. И тут Георгий Иванов сразу же по возвращении ОМ дал ему новое прозвище: *юный грузин*. Окружающими, как рассказывает Одоевцева, это было мгновенно подхвачено.

Назвав поэта *грузинским*, Анечка подчеркнула равновеликость этих фигур, Бродского и Мандельштама, в её иерархии. «Борьба» с Бродским, с его возможным интонационным влиянием, принесла свои плоды достаточно скоро, предпочтение было отдано другому ориентиру, Мандельштаму. У А. было меньше оснований опасаться «игры» с Мандельштамом, нежели с Бродским. Мандельштам, обогащая, вовсе не отягощает. Ещё один «*грузинский*» поэт, кандидат по месту рождения, Маяковский, вообще каток, подавляет интонационно всё и вся.

Поэтому, даже если *грузинский поэт* наделён двойственными чертами, собирательный образ, – то советский тиран не имеет к нему отношения. В свете безысходности игры с *грузинским поэтом* “диктаторский” курс не получается принять, раз уж и Мандельштам – *грузин*. Причём, он-то как раз – жертва тирана.

Художественным подтверждением розыгрыша, устроенного поэтом в этой прозе, стало появление зашифрованного Уленшпигеля на сцене, показывающего нам язык в самом начале, дурача нас и озадачивая. Ход чисто неокинический, по духу. Результат – раздвоение образа персонажа. Ещё загадочнее для меня оказалось наличие слов о припадании на “а”, в чём Бродского никак не обвинишь, потому персонаж был мной воспринят, как карикатура в мой адрес.

Стихи и проза А., о чём уже говорилось однажды, отличаются ощутимо, в прозе больше лёгкой и достаточно безучастной игры. Общий настрой прозы резко отличен. Правда, автор, помнила свои вещи, не путала и отыграла в своём амплу, оставаясь в прозе поэтом, относящимся к последней с некоторым небрежением. Однако нас пытаются убедить в том, что поэзия А. пропитана Мандельштамом насквозь. Возникает, порой, впечатление, читая труды Е. Сошкина, что Анечка намеренно «ходила» тропами (в обоих смыслах) Мандельштама. Но это действительно близко к истине. Даже в самых «наркотских» стихах мы находим цитаты из ОМ (см. *Я стал как бледный мебель деревянный*, где неожиданно читаем: *Нет, не мигрень*), значит, игра с *грузинским поэтом* для неё была неизбежной. И это, в свою очередь, ею осознавалось и принималось. Но выигравшего в такой ситуации нет. Единственно релевантным условием становится обозначенное в данной прозе в самом конце: *Играть всегда*. Что и было ею выполнено.

Думаю в ванной о природе страсти. Местонахождение для возвышенных занятий – ванная: на мой взгляд, чисто женская, с джокондовой улыбкой, хитрость. Елена Шварц, например, признаётся в интервью о Бродском же (3 авг. 1990 года, взято Вал. Полухиной): «Я в основном в ванне всё сочинила». Позвольте не поверить ни Елене Шварц, ни Анечке. И на том будет очень кстати закрыть тему Бродского в поэзии и той, и другой.

У МЕНЯ ВО СНЕ БЫЛ ДРУГ... 1997. СС №1, 1998. Не столько даже рассказ, сколько некое предисловие к циклу из трёх рассказов.

ЯПОНЕЦ _____ рассказ о японце. 1997. СС №1.

НОГА БАРАБАНЩИКА _____ тоже рассказ про деньги и любовь. 1997. СС №1. Удивительное дело – местами агноновские нотки про-скальзывают, и Израэль (нынче Адам) Шамир подтвердил.

ТОСКА . рассказ под LSD наутро. 1997. СС №1. Оставляю литературоведам эту поляну – кого угодно найдёшь, с «Мистера-Твистера» начиная, Птахом кончая, калейдоскоп литературных глюков. *Онегин нашёл золотой ключик* – едко. Откуда ты всё знаешь, Автор!? Тоже ведь – выпад в мой адрес.

НУ, ГЕРОЙ... 1998, апрель. МС 2000. Казалось бы, совсем незатейливая проза. Но вкусовые акценты расставлены в ней чётко и недвусмысленно. Герой – чёрте кто, я его знал, жалко слов. Тот факт, что он мог отправить на тот свет, передознув ненароком, известен многим. Выше я уже писал о нём в комментариях к стихам *Убогие глаголы и проводка...* Но мы об акцентах, о литературных предпочтениях. Обратите внимание: “Только стихи Бродского вяло ассоциируются у нее (т.е. у нахалки-героини. В.Т.) с мучительным профилем малыша...” И далее: “Автор желает всем счастья, как любимый малышом *Довлатов*”. Это к вопросу о лампочке в тусклом кругу «ахматовских сирот» – кумире технической интеллигенции и молодёжи с прищелённым воображением, а также к вопросу о его свите и предпочтениях. Вкус – повторю собственные слова теперь уже 30-летней давности, – это интеллектуальная позиция.

ЦИРК ДИЛЕТАНТОВ (*орден*). 1998, июнь. МС 2000. К сожалению, это лишь задумка фарса. Если и существует продолжение, – оно в руках пресловутого Д.С.

MESSИДЖ. 1994. МС 2000. Штука чудесной живости, из таких штрихов создаётся портрет. Название условное, не называть же её “Денис!” Кстати, это другой Денис, муж, а не тот. Заключительное восклицание этой «дневниковинки» (Савелий Гринберг) в МС воспроизведено мною иным способом и читалось как концовка основного корпуса книги. Я возвращаю его на своё место, оно садится, как влитое, вооб-

ще говоря, восклицание это – характерный для местного населения возглас изумления и шока.

КАЙФ. СС №5-6(24-25). Год – ? Прекрасный образец неокинической авторской позы. В статье «Феномен Анны Горенко» я возвращаюсь к этой характеристике подробней. Здесь лишь укажу на один, напрашивающийся на сравнение момент. Типичная уничижённость спокойно соседствует с абсолютно издевательской «наивностью»: эпиграф к третьей новелле – молитва! Диогенствующая Анечка!!

«ХОЧУ ЕСТЬ!» СС №5-6(24-25). Год – ? Ни единого намёка на наркотики. Приглядеться – любопытная вещица. Есть другое название – «Как Анечка хотела стать святой». Шутка юмора. Яркий фрагмент общего Цинического ПРОЕКТА. Деконструкция СВЯТОСТИ.

БЕЗЗАЩИТНЫЕ И ХЛАДНОКРОВНЫЕ. Сочинения-2010. 1998, апрель. Нелишне, мне кажется, предупредить некоторых из читателей: *это волшебное стекло из сказок Хоффмана* не имеет никакого отношения к знаменитому Эрнсту Теодоровичу, Амадей который, Гофман. А имеет – к культовой фигуре асид-фриков, химику, открывшему лезиргинку. Он же первый её испытатель. Хоффман давно и прочно – эмблема.

УБИЛИ, ДА. Сочинения 2010. 1998, апрель. Сон. Очередной.

НЕПРИЯТНЫЙ И С ОТРОСШИМИ ВОЛОСАМИ... Сочинения 2010. 1998, апрель. И это сон. Тошнотворный кошмар. А запись этой дряни, как и предыдущего сновидения, служит одной цели – отторжению и терапии.

ПРЕВРАЩЕНИЯ МУМРИКА-ДУМРИКА. Сочинения 2010. Опыт из ранних.

ПЕНКИ. Сочинения 2010. 1994. Названия дал я. Презабавные безделки. Тоже ведь – с высунутым языком дразнящим, образчики дурака-валяния. Цинического (не путать с циничным).

ПИСЬМО-98. СС №5-6(24-25). Осень 1998. Дабы дополнить картину: ещё в первый октябрьский приезд А. вручила покорному слуге 4 исписанных страницы, отрезав ножницами верх первой. На самом деле, присовокупила она, это тебе, а не ему... Адрес выбран, кажет-

ся, безошибочно. Это мне предназначалось. Но это и о них тоже (в тандеме с Д.С., см. комм. к *Твой мякотький рот...*), хотя и не во всём. Отточие в угловых < > скобках предполагает в данном случае замену лейки на более точный термин, типа “мыльницы” что-нибудь, если я верно понимаю, что за *птичку* ловят *пейзаж с натюрмортом наперегонки*. Последний абзац взят Анечкой в скобки сомнений. И действительно, четыре этих фразы напоминают собою “захлёб” характерной героини патетикой, вплоть до несвойственных автору оборотов в письменной речи.

ПИСЬМО-91. Сочинения 2010. Май 1991. Какое второе стихотворение посвящено Г.-Д. Зингер, точно не знаю. Мне кажется №83. Основания это утверждать простые. Время написания стих. №83 со стих. *Отступление тьмы на поворот за Латрун* практически совпадает. К тому же, она могла это стихотворение считать более самостоятельным (в *Отступлении тьмы...* вторая строчка “*наоборот повтори*” ещё таит в себе нечто генделевско-кудрявцевское), более динамичным и сочным, а потому и *лучше*. Если я всё это присочинил, то стихи утеряны, видимо. С Еленой Шварц она таки познакомилась ближе к концу своей короткой жизни. Когда та приезжала на международный фестиваль поэзии. И перед смертью А. звонила ей на прощание. В разговоре это, разумеется, не было высказано ни напрямик, ни намёками. Но именно так: прощалась. Машбир – универмаг. מַשְׁבִּיר (иврит) – даркон, паспорт (в смысле, не удостоверение личности, а годящийся и для поездки за границу).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
--------------------------	---

ПОЭЗИЯ

«я выхожу из провинций...»	6
«в городе где темные соборы...»	7
«В день торжества электросвета...»	8
«Несколько смертных строк...»	9
Одежда рахат лукума	10
«Жжет и лижет язык...»	12
«Там краеведческий музей...»	13
«сметана есть сметану...»	14
«юннат безпризорный могильщик...»	15
«Я буду ранний серый чай...»	16
«Отступление тьмы на поворот за Латрун...»	17

Post factum

1. «они в саду играют марш...»	18
2. «я маленький японец...»	18
3. «Мы говорим на детском языке...»	18
4. «смерть прикрывает наготу...»	19
5. «Цветы живут быстрее...»	19
6. «Одна война зимы две...»	20
7. «Где ночь отвесная...»	20
«Небце синее...»	21
«дома как стопки детских книг...»	23
«скажи что стало с Гаммельном...»	24

«Мы могли бы жить...»	25
«где ангела одежды золотые?...»	26
«Одноместный самолетик прыгает...»	27
«Мыши – кишмиши...»	29
Первый верлибр	30
Он управляет города заправив маслом пустой толпы	32

Наблюдательный пункт

1. «смотри какой бетон...»	33
2. «два человека ворона и грач...»	33
3. «как запыстье гимназистки...»	34
4. «полотенце сложив оттого оттого...»	34
5. «так посмотри еще каких слогов...»	34
6. «строгий ошейник вчерашний сапог...»	35

«придумай мне сестру...»	36
«летит пластмассовый стежок...»	37
«просыпайся умерли ночью поэты...»	38
«одна похожа на тебя...»	39
«я думаю когда б и ты...»	40
«Не правда ли ты хорошо помнишь...»	41
«Мы начали произносить слова...»	42
«кучер! кучер...»	43
«Убогие глаголы и проводка...»	44
«А, человек из соседнего дома...»	45
«Полуоткрытый шкаф...»	46
«припали крылья мои к спине...»	47
Сон...	48
Элегия	49
«Поет и плачет офицер...»	50
Штрихи	51
«Сон разроссийский куст...»	53
«шведская датская лодка...»	54

Песни мертвых детей

1. «Ты деревянная дева...»	55
2. Голем	55
3. «В моем саду деревянном саду...»	56
4. «цветы:...»	57

Северьюг	59
«Белая пыльная малина...»	61
«она спит Успевай...»	63
«За шесть или семь...»	65
«С акцентом на губное “ц”...»	67
Из Йоны Волах	68
«Ловил себя и был уличен...»	69
«Всё Божье небо в позументах...»	71
«Видишь солнца алчный ноготь...»	72
«Не тихой бедности...»	73
«Твой мяконький рот...»	74
«Тело за мною ходило...»	75
«Я стал как бледный мебель...»	76
«Я находил старинные слова...»	77
«След от бритвы безопасной...»	78
Упадок	79
«всего-то города...»	80
«Несомый жук в топимый рай...»	81
«Надсадно яркое о маленькое душно...»	82
Перевод с европейского	83

КОММЕНТАРИИ К ОСНОВНОМУ КОРПУСУ ПОЭЗИИ

К ПАЛИТРЕ АНЕЧКИ	84
----------------------------	----

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

№81. «Смерть на моих погонах...»	119
№82. «Амоба летит! Амоба, привет!..»	121
№83. «На немногое вчера: я...»	122
№84. «Какие-то сомнительные тряпки...»	124
№85. «На родине мёртвый бродский...»	126
№86. «Дреер спит лохматой свинкой...»	127
№87. «Я лисы...»	128
№88. «Желание держи мои запястья...»	129
№89. Бродский пользуется ситуацией (<i>пьеса в одной ремарке</i>)	131
№90. Хорошему Тарасову	135
№91. «Дым на снегу котятками клубится...»	136
№92. Пригоршня	138
№93. «Томлению внемлют случайные мысли...»	140

№94. «дарам причастное стыда...»	142
№95. «жест сменится болью...»	143
№96. «сквозные выплески от ветра...»	144

ПРОЗА

Балаганчик	145
«Бродский»	148
<i>У меня во сне был друг...</i>	151
Японец _____ рассказ о японце	152
Нога барабанщика ___ тоже рассказ про деньги и любовь	154
Тоска _____ рассказ под LSD на утро	156
<i>Ну, герой...</i>	158
Цирк дилетантов (орден)	160
Messидж	161
Кайф	162
«Хочу есть!»	166
Беззащитные и хладнокровные	167
Убили, да	169
<i>Неприятный и с отросшими волосами...</i>	171
Превращения мумрика-Думрика	172
Пенки	174
Письмо-98	176
Письмо-91	177

КОММЕНТАРИИ К ПРОЗЕ

Коротко о прозе А.Горенко	179
-------------------------------------	-----

Истинность - ключ к стихам Анны. Она изначально была одарена опытом другого бытия, как если бы органы её чувств формировались в иной физической среде, приспосабливаясь к иному, чем у нас, распределению света и тени, тепла и холода, сна и бодрствования.

Эта почти физиологическая иноприродность её стихов ощущается сразу, с непреложной достоверностью факта. Так выхватываем мы в толпе красивое лицо, отличаем музыку от шума, испытываем боль.

Майя Каганская

Горенко - письмо торжествует. Лексические вьюги, точность танца и скорость переживания... Личные свойства добирает голосом. Строки как опознавательные знаки... Восторг обречённости завораживает.

Алекс Гельман

Характерные приёмы письма Горенко - несогласование членов предложения, разорванность синтаксиса, непредсказуемая полиметрия, использование однородных структур, компрессия - создают эффект «trip`а», смещения концептов...

Разного рода формы мэйнстрима современной поэзии - от авторов, наследующих «Московскому времени», до «постконцептуалистов» - не могли бы удовлетворить Горенко, поскольку являются паллиативами.

Данила Давыдов

По-моему, Анна Горенко - гениальная поэтесса.

Анри Волохонский

Тираж 300 экземпляров

ISBN 978-965-553-043-8

9 789655 530438

Printed in Switzerland

<...> А ночь так мякотна почти готова течь
у лампочки фальцетом пляшет смерть
заманивая моль повыше к свету
нет у поэзии ни головы ни плеч
не приласкать и не призвать к ответу
ни толком рассмотреть

Бессмысленна, светло и далеко
гори среди деревьев запятая
льет на цветы пустое молоко
ночная птица песенки глотает
о, если бы и мне покинуть сетку вен
соломинкой пытать потемки
отбрасывать и дым и тень
как прядь с лица снимать как бусы елки <...>